

ТОЦКИЙ А.С.

НЕВЕРМОР
КРОВЬ И ПЕПЕЛ

Александр Тоцкий

Невермор Кровь и Пепел

<https://litres.ru/74030486>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уэнсдей не верит в случайности. Перстень Блэка с кровавой буквой «V» и записка «Конец? А.В.», найденная в её печатной машинке, запускают расследование, которое приводит её к древним тайнам

Александр Тоцкий

Невермор Кровь и Пепел

Глава 1: Поместье Аддамс

Обитель вечных сумерек

Дорога к поместью Аддамс не значилась на обычных картах — она была слишком своенравной для топографических прихотей смертных. Путь проявлялся лишь тогда, когда небо затягивало тяжелыми свинцовыми тучами, а придорожные птицы разом смолкали, предчувствуя нечто большее, чем просто грозу. По обе стороны узкого шоссе тянулись древние, скрюченные артритом деревья; их голые ветви, подобные истощенным пальцам, то и дело царапали лакированные бока шестиколесного «Кадиллака», словно пытаясь оставить автограф на его безупречной черной поверхности.

Когда впереди, подобно челюстям гигантского скелета, замаячили кованые ворота, увенчанные фамильным гербом, густой туман послушно расступился. Поместье Аддамс не просто стояло на холме — оно довлело над ним, являя собой памятник мрачному величию. Особняк был возведен из тяжелого, почти угольно-черного камня. Местные историки шепотом уверяли, что его привезли из руин заброшенного аббатства в Уэльсе — того самого, где безумные монахи якобы вызывали дьявола, надеясь, что тот поможет им обыграть саму Смерть в шахматы. Этот камень обладал пугаю-

щим свойством: в ливень он жадно впитывал влагу, но никогда не намокал, лишь покрывался тонкой испариной, словно мраморная статуя в душном склепе.

Фасад здания — асимметричный, угловатый и изломанный — напоминал лицо грешника, пережившего визит к палачу-эстету. Башни разной высоты торчали под неестественными углами, пронзая низкое брюхо облаков острыми сланцевыми шпилями. Балконы опасно нависали над невидимыми в тумане пропастями, а лепнина в виде горгулий не просто украшала карнизы — она скалилась. Если путник решался долго всматриваться в их окаменевшие морды, он мог заметить, как твари моргают — медленно, по одной, в разное время, словно перемигиваясь друг с другом за спиной у гостя. Витражные окна, похожие на немигающие глаза древнего божества, отражали лишь серую пустоту, а плющ, обвивавший стены цвета полночной сажки, больше напоминал застывшую сеть вен.

Воздух здесь был иным: плотным, неподвижным, пропитанным ароматом сырой земли, вековой пыли и едва уловимым, горько-сладким шлейфом яда мандрагоры.

Главный вход — массивные двойные двери из черного дуба — был окован железом, которое, по слухам, переплавили из оград старинного кладбища, закрытого из-за «аномальной активности». Ручки дверей, выполненные в виде сцепленных в вечном объятии скелетов, казались ледяными. Прикосновение к металлу оставляло на коже легкое, едва замет-

ное жжение — не больно, но достаточно, чтобы гость осознал: с этого момента он больше не хозяин своей судьбы. Он — заложник этого дома.

Внутри особняк встречал гулким эхом и величественным запустением. Массивная дверь закрылась с глухим, окончательным звуком, отсекая внешний мир. Холл представлял собой симфонию теней. Стены, обитые панелями из темного дерева, казалось, активно впитывали свет немногих свечей, оставляя лишь глубокие, бархатистые провалы в углах. Огромная люстра, скованная из потемневшего железа и украшенная хрусталем, который не видел чистки столетиями, висела на толстой цепи, напоминая затаившегося под потолком паука. Каждый шаг по истертому паркету отдавался коротким, сухим стоном. Дом не просто скрипел — он ворчал, пробуждаясь от вечного покоя, и в этом ворчании слышалось предупреждение: у этой Истории острые зубы и очень длинная память.

В гостиной, где пламя в камине всегда горело странным, чуть зеленоватым оттенком, Гомес и Мортиша предавались своему ежедневному ритуалу.

Гомес Аддамс был воплощением неукротимой, почти пугающей энергии. Его невысокий, крепко сбитый силуэт в безупречном костюме в тонкую полоску постоянно находился в движении. Усы, острые, как два черных лезвия, подергивались в такт его мыслям, а в глазах горел огонь, который не смогла бы потушить ни одна буря. Он был похож на заве-

денную пружину, готовую в любой момент выстрелить каскадом восторженных комплиментов в адрес своей жены или звоном фехтовальных шпаг.

Мортиша же была его полной противоположностью — тихим эпицентром шторма. Её черное платье облегало фигуру, словно вторая кожа, переходя внизу в причудливые лохмотья, напоминающие щупальца осьминога. Она никогда не шла — она скользила. Её пальцы, длинные и тонкие, двигались с хирургической точностью, пока она «обезглавливала» свои любимые розы, оставляя в вазе лишь шипастые стебли.

— *Carra mia*, — пророкотал Гомес, перехватывая её руку, — ты видишь этот грозовой фронт над головой нашей дочери? Это лето обещает быть восхитительно невыносимым. Мортиша лишь загадочно улыбнулась, её взгляд был устремлен на лестницу, ведущую в башню. — Взгляни, Гомес, — прошептала она, и её голос прозвучал как шелест шелка по могильной плите. — Уэнсдей молчит уже три дня. Эта тишина настолько глубока, что я почти слышу, как рушатся её надежды. Это так поэтично.

Там, в своей комнате, погруженной в стерильный мрак, Уэнсдей Аддамс вела свою собственную войну. Её обитель была храмом аскетизма и меланхолии. Стены, выкрашенные в цвет грозового неба, были увешаны гравюрами с изображениями средневековых казней, а в углу замерло чучело медведя со специально искаженной, свирепой мордой.

Уэнсдей сидела за массивным дубовым столом, перед ней

лежал единственный предмет, нарушавший идеальный порядок — пожелтевший клочок бумаги с загадочным посланием, полученным в конце прошлого семестра. Она была воплощением застывшего времени. В свои шестнадцать она обладала той редкой, пугающей красотой, которая встречается на портретах давно забытых предков. Её кожа, лишенная малейшего намека на загар, напоминала лепестки белой лилии, расцветшей в склепе. Две тугие косы, черные, как смоль, обрамляли лицо с острыми скулами и глазами цвета бездонных колодцев. В этих глазах не было детской наивности — лишь холодный, аналитический ум, который препарировал реальность с жестокостью патологоанатома. Она сидела идеально прямо; казалось, даже её тени было запрещено шевелиться без приказа.

Перед ней на столе лежал пожелтевший листок, ставший её персональным проклятием на всё лето. Одно-единственное слово: «Конец?» и две лаконичные буквы подписи — «А.В.».

Взгляд Уэнсдей невольно сфокусировался на пустоте, и в её памяти, словно проявленный снимок, возник образ Александра Блэка. Она отчетливо помнила его руку в тот последний день в Неверморе. На его пальце красовался массивный перстень из черненого серебра — вещь настолько древняя и тяжелая, что она, казалось, имела собственный вес в пространстве. В самом центре кольца, в окружении сплетенных, острых терний, выделялась латинская буква «V», залитая

кровяно-красной эмалью. Этот символ выглядел хищным, как клеймо, оставленное на самой плоти времени.

Связь между этим «V» на перстне Блэка и инициалами «А.В.» в записке была слишком очевидной, чтобы быть случайностью. Уэнсдей чувствовала, как внутри неё разгорается азарт охотника.

Всё лето она провела в пыльных лабиринтах семейной библиотеки, превратив каникулы в масштабное расследование. Уэнсдей перерыла сотни томов: от генеалогических древ европейской аристократии до полуистлевших дневников своих предков. Её пальцы, испачканные в вековой саже и типографской краске, перелистывали старые подшивки газет, выискивая упоминания о роде Блэков или о тайных обществах, использующих символ тернового венца. Она искала зацепку в архивах «Беладонны», в тайных записях своего отца, даже в старых атласах, где границы государств давно стерлись. Она надеялась найти хоть крупицу информации, которая объяснила бы природу силы Александра и его истинную роль в событиях, которые только начинали разворачиваться.

Но дом хранил молчание. Древние книги по некромантии и оккультизму охотно делились рецептами ядов, но упорно скрывали правду о человеке, который осмелился бросить ей этот вызов. Отсутствие ответов жгло её изнутри сильнее, чем любая физическая боль. Уэнсдей ненавидела проигрывать, а еще больше она ненавидела неизвестность.

Между часами, проведенными за архивами, Уэнсдей возвращалась к столу. Она медленно протягивала бледную руку и касалась кончиками пальцев листка с надписью «Конец?». Глаза закрывались, дыхание замедлялось. Она ждала того самого резкого, конвульсивного толчка, который вышвырнет её сознание в пучину видения..Секунда. Десять секунд. Минута. Ничего. Только тишина дома и далекий звук взрыва из подвала — это Пагсли, младший брат с вечно растрепанными волосами и неумемной тягой к разрушению, в очередной раз пытался усовершенствовать свою пороховую смесь. Уэнсдей резко отдернула руку. Все лето она повторяла это сотни раз. Находясь здесь, в поместье, она чувствовала себя запертой в вакууме. Её дар ясновидения молчал, словно насмехаясь над ё нетерпением.

— Конец... — прошептала она, и её голос в пустой комнате прозвучал как приговор. — Нет. Это только начало.

Единственным, что связывало её с внешним миром, был смартфон — устройство, которое Уэнсдей считала верхом цифровой пошлости. Однако для Вещи этот предмет стал окном в иную реальность. Поскольку Уэнсдей принципиально не прикасалась к гаджету, Вещь взял на себя роль её негласного секретаря.

Все лето телефон не смолкал. Энид Синклер заваливала их сообщениями, полными ярких эмодзи и фотографий калифорнийских закатов. Ксавьер Торп присылал наброски

новых картин, в которых неизменно угадывался силуэт Уэнсдей. Был и общий чат «Беладонн», где ученики Невермора делились кадрами своих каникул.

Уэнсдей официально презирала эту суету, но Вещь имел на этот счет свое мнение. Втайне от хозяйки, пока та погружалась в чтение некрологов, он активно участвовал в жизни чата. Его пальцы с невероятной скоростью барабанили по экрану, отвечая на реплики друзей. Иногда он даже отправлял в группу фотографии: то вид из окна башни, то собственные пальцы на фоне фамильного серебра, создавая иллюзию того, что Уэнсдей всё еще «в сети».

— Напиши Энид, что её оптимизм вызывает у меня физическую тошноту, — холодно бросила Уэнсдей, заметив очередную вспышку экрана.

Вещь на мгновение замер, балансируя на краю стола, а затем послушно застучал по стеклу. Он передал её слова почти дословно, но в самом конце, скрыв экран от взгляда Уэнсдей, добавил короткое, едва заметное приветственное движение — жест, который сохранял ту хрупкую нить дружбы, которую Уэнсдей так упорно пыталась перерезать.

Гордость и тени

Неделя до начала семестра тянулась как бесконечная пытка. Уэнсдей понимала: она зашла в тупик. Все её летние изыскания в библиотеке, все попытки вызвать видение, терзая пальцами пожелтевший листок, были лишь бегом на ме-

сте. В голове, словно навязчивый шепот, всплывал голос Александра Блэка, его холодный, пронзительный тон:

«Все эти смерти, все эти шрамы на теле школы... они ложатся и на твою совесть. Твоё упрямство ослепило тебя. Если бы ты нашла в себе силы поговорить с матерью, ты бы знала о Хайдах десятилетия назад...»

Эти слова ядом разливались в мыслях. Уэнсдей ненавидела признавать чужую правоту, а правоту Блэка — особенно. Каждое утро она обещала себе, что справится сама, но каждый вечер тишина библиотеки насмехалась над ней. Идея обратиться к Мортише казалась ей актом капитуляции, признанием собственного поражения.

Наконец, когда раздражение стало почти осязаемым, Уэнсдей направилась в оранжерею. Воздух здесь был тяжелым от аромата гниющих орхидей. Мортиша стояла у высокого окна, залитого тусклым пурпурным светом закатного неба. Она методично опрыскивала ядовитым составом свои любимые плетоядные растения, и каждое движение её рук было наполнено пугающим изяществом.

Уэнсдей замерла в нескольких шагах от неё, сцепив руки за спиной так крепко, что костяшки пальцев побелели. Слова застревали в горле, словно осколки стекла.

— Я искала ответы всё лето, — начала она. Голос звучал сухо, почти механически — единственная возможность скрыть ту унижительную беспомощность, что разрывала её изнутри. — О перстне с буквой «V» в терниях... и об ини-

циалах «А.В.».

Она сделала паузу, борясь с желанием просто развернуться и уйти. Просить было больно. Физически больно. — Ты когда-нибудь встречала такой символ? Или кого-то... с такими инициалами? — она выдавила эти вопросы, глядя не на мать, а на капли яда, стекающие по листьям.

Мортиша медленно прекратила работу. В оранжерее повисла такая плотная тишина, что было слышно, как бьется о стекло заблудившаяся ночная бабочка. Она повернулась к дочери, и в её взгляде не было торжества — лишь глубокая, печальная мудрость.

— Кровь в терниях... — Мортиша покачала гладкой головой. — Нет, Уэнсдей. Я никогда не видела этого перстня и не знаю никого из нашего круга, кто носил бы имя «А.В.».

Она сделала шаг вперед. Воздух вокруг неё всегда казался на несколько градусов холоднее. — Твои попытки вызвать видение... я чувствую их эхо по всему дому, милая. Это похоже на крик в пустоту. Будь осторожнее. Видения — это не инструмент, это часть твоего естества. Пытаясь вырвать их силой, ты лишь истощаешь себя. Ты становишься бледной тенью самой себя, а ответы... они приходят не тогда, когда мы их требуем, а тогда, когда мы готовы их принять.

В этом коротком предостережении, в мягком шелесте её голоса прозвучало нечто, что заставило Уэнсдей на мгновение опустить невидимый щит. Это была не просто забота, а признание их общей, темной природы. Но искренность пу-

гала Уэнсдей больше, чем любая угроза. Она почувствовала, как горло перехватило от странного, колючего чувства — смеси благодарности и ярости за то, что она всё-таки оказалась здесь, в роли просительницы.

— Значит, это всё было зря, — бросила она, резко разворачиваясь. Внутри закипала новая волна злости на свое бессилие, на Блэка, на этот дом.

— Александр Блэк, — вдруг произнесла Мортиша.

Уэнсдей замерла, её плечи напряглись. — Нет, мама. Ты не слушала. Я же сказала: инициалы — «А.В.». Александр Блэк здесь ни при чем. Его фамилия начинается на «Б».

— Александр Блэк, — повторила Мортиша, но на этот раз её голос изменился. В нем появилась странная, вибрирующая нота. Она не смотрела на дочь. Её взгляд был прикован к стеклу, за которым бушевал чернильный туман.

Уэнсдей, охваченная внезапным предчувствием, подошла к окну. Её сердце, обычно бьющееся в ритме похоронного марша, пропустило удар.

Там, за коваными копиями ворот, стоял он. Свет далекой молнии на мгновение разорвал тьму, и Уэнсдей увидела его — высокий, идеально неподвижный силуэт в черном пальто. Его темные волосы казались частью самой ночи, а бледное, аристократичное лицо выглядело как маска, высеченная из мрамора. Он не двигался, просто смотрел на дом, и это спокойствие пугало больше, чем если бы он пытался выломать ворота.

— Он стоит возле наших ворот, — тихо закончила Мортиша.

Уэнсдей почувствовала, как по позвоночнику пробежал ледяной разряд. Весь воздух в оранжерее будто выкачали. Блэк не просто нашел её — он пришел туда, где она считала себя в безопасности. Лето закончилось раньше срока.

Тяжелые кованые ворота поместья, скованные ржавчиной и временем, отворились с пронзительным, душераздирающим скрипом, который эхом пронесся над спящими холмами. Александр Блэк вошел на территорию Аддамсов. Он шел по главной аллее медленно, почти торжественно. Его темный силуэт четко выделялся на фоне клубящегося тумана, а каждый шаг по гравию звучал размеренно и уверенно. Казалось, сама природа вокруг него замирала: даже хищные растения в саду не смели пошевелиться, когда он проходил мимо.

Дойдя до массивной дубовой двери, он не стал искать звонок. Тяжелый удар дверного молотка заставил Ларча прервать свое величественное бездействие. Огромный дворецкий медленно, со стоном петель, отворил дубовую дверь. На пороге, в ореоле ночного тумана, стоял Александр Блэк.

Гомес, услышав шум, мгновенно оказался в холле. Его глаза азартно блеснули, когда он узнал гостя.

— О, я помню вас, юноша! — Гомес широко развел руки, словно приветствуя самую тьму. — Вы тот самый Блэк. Александр Блэк. Директор Уимс отзывалась о вас как о... — Гомес на мгновение запнулся, подбирая достаточно острое

слово, — ...как о самом многообещающем образце добродетели в Неверморе.

Александр вежливо улыбнулся. Его лицо было бледным и спокойным, как маска. — Именно так, мистер Аддамс. Я одноклассник Уэнсдей. Решил заехать к вам в гости, раз уж был неподалеку. Вы ведь не против неожиданных гостей в такой... атмосферный вечер?

— Против? — Гомес рассмеялся, и этот смех эхом отразился от высокого потолка. — Мы обожаем неожиданности, особенно те, что приходят из тумана без предупреждения. Заходите же, не стойте на пороге.

В этот момент на лестнице показались Мортиша и Уэнсдей. Они спускались синхронно, словно две тени, скользящие по стене.

— Дорогая, ты помнишь этого мальчика? — восторженно воскликнул Гомес, обращаясь к супруге. — Александр Блэк почтил нас своим присутствием!

— Да, — Мортиша остановилась на середине лестницы. Её взгляд, тяжелый и пронизательный, замер на фигуре юноши. — Сложно забыть кого-то с настолько... безупречно выглаженной совестью. Приветствую вас в нашем скромном склепе, Александр.

Блэк чуть склонил голову, демонстрируя идеальную выправку. Когда его взгляд переместился на Уэнсдей, стоявшую чуть позади матери, его лицо осталось непроницаемым. «— Здравствуй, Уэнсдей», — произнес он. Голос звучал

ровно, но вопрос, который последовал далее, ударил её сильнее, чем она ожидала: — Как прошло твое лето? Надеюсь, оно было достаточно безрадостным?

Уэнсдей замерла на последней ступени. Она мгновенно уловила скрытую в его тоне усмешку, тонкую, почти невидимую издевку. Он знал. Каким-то образом он знал, что всё её лето превратилось в бесплодную попытку разгадать его тайну. Он знал о её бессилии, о молчании её видений и о пыльных стопках книг, которые так и не дали ответа.

Её взгляд инстинктивно скользнул по его рукам. Она искала тот самый перстень из черного серебра с кровавой буквой «V», который врезался ей в память. Но пальцы Александра были пусты. На его руках не было ни одного украшения, только бледная кожа и безупречные манжеты. Отсутствие кольца обескураживало еще больше, чем его наличие — словно он намеренно стер единственную улику, которая у неё была.

— Мое лето было наполнено тишиной и пылью старых архивов, Александр, — холодно ответила она, скрестив руки на груди. — Но ты здесь явно не для того, чтобы проявлять вежливость. Что изменилось с нашей последней встречи?

— Ужин будет готов через пятнадцать минут, — пропела Мортиша, бросив на Ларча многозначительный взгляд. — Кузен Итт как раз прислал нам свежих болотных слизней, и повару нужно время, чтобы они перестали сопротивляться.

Александр, чье лицо в тусклом свете холла казалось вы-

сеченным из слоновой кости, слегка поклонился. — В таком случае, мистер Аддамс, не будете ли вы против небольшой экскурсии? Поместье Аддамс — легендарное место среди тех, кто ценит... правильную архитектуру.

— Экскурсия! — Гомес восторженно хлопнул в ладоши. — Какое благородное любопытство!

— Поместье было заложено еще в те времена, когда охота на ведьм считалась приличным воскресным хобби! — восторженно вещал Гомес, размахивая руками. — Вот здесь, под этим гобеленом, находится потайной ход, ведущий напрямиком в болото. Идеально для внезапного исчезновения или избавления от навязчивых налоговых инспекторов!

Александр шел рядом с Гомесом, сохраняя безупречную осанку. Его движения были пугающе точными. Когда они проходили мимо рыцарских доспехов, которые внезапно замахнулись секирой (любимая ловушка Гомеса для проверки реакции гостей), Блэк даже не вздрогнул. Он просто сделал едва заметный шаг в сторону, ровно настолько, чтобы лезвие прошло в паре миллиметров от его плеча, не задев ткани пальто.

— Впечатляющая механика, мистер Аддамс, — спокойно заметил Александр, бросив короткий взгляд на застрявшую в полу сталь. — Полагаю, пятнадцатый век?

— Шестнадцатый! — просиял Гомес. — Реставрация после небольшого пожара в инквизиции.

Мортиша скользила с другой стороны от Блэка, её глаза

внимательно следили за его реакцией на «семейные реликвии». — А здесь у нас галерея предков, — она указала на длинный ряд портретов, с которых на гостя смотрели лица одно мрачнее другого. — Мой кузен Игнатиус. Был так привязан к своей жене, что после её смерти решил составить ей компанию... в том же гробу. Буквально через два часа.

Блэк остановился перед одним из портретов, внимательно изучая мазки масла. — Настоящая преданность редко встречается в наши дни, — ответил он, и в его голосе прозвучала странная серьезность. — В наше время люди предпочитают сжигать мосты, а не ложиться в одну могилу.

В этот момент пол под их ногами ощутимо вздрогнул. Издалека, из самых глубин подвала, донесся приглушенный, раскатистый взрыв, за которым последовал звон разбитого стекла.

— О, не обращайтесь внимания, — отмахнулся Гомес, когда люстра над их головами жалобно звякнула. — Это Паггли. Мальчик пытается создать вакуумную бомбу, которая не разрушает стены, а просто высасывает из комнаты весь кислород. Талантливое дитя!

Уэнсдей шла позади, чувствуя, как внутри неё нарастает раздражение. Она ждала, что Блэк выдаст себя хоть чем-то. В Неверморе он был мастером скрытых манипуляций, и сейчас она была уверена: его руки вот-вот потянутся к карману, чтобы оставить жучок или датчик. Она буквально видела в своем воображении, как он расставляет сеть камер, чтобы

изучить их быт.

Словно прочитав её мысли, Александр внезапно остановился в темном углу коридора. Он медленно, демонстративно завел руки за спину, переплетая пальцы. Его ладони были пусты и открыты, а сам жест словно говорил: «Смотри, Уэнсдей, я не трогаю твои стены».

Она замерла, её глаза сузились. Этот жест бесил её больше, чем любая открытая угроза. Он не просто знал, что она за ним следит — он наслаждался её подозрительностью, превращая её бдительность в бессмысленную паранойю.

«— Ваша система безопасности... поэтична», — произнес Блэк, поворачиваясь к Гомесу, но его взгляд на долю секунды метнулся к Уэнсдей. — Однако она рассчитана на тех, кто хочет войти силой. Те, кто несет в себе пустоту, проходят сквозь такие стены, не задевая ни одной нити.

— Остроумно! — воскликнул Гомес, хлопая гостя по плечу (от чего Александр даже не пошатнулся). — У этого юноши есть вкус к метафорам, Мортиша!

— И к тайнам, мон шер, — добавила Мортиша, сузив глаза.

Внизу снова раздался гул гонга, на этот раз более настойчивый.

— Ужин! — провозгласил Гомес. — Идемте, Александр. Вас ждет наше гостеприимство, а Ларча — новые шрамы после подготовки сегодняшнего блюда.

Столовая поместья Аддамс напоминала склеп, переобо-

рудованный под пиршественный зал. Длинный дубовый стол, освещенный черными свечами, казался бесконечным в полумраке. В центре стола, на огромном серебряном блюде, покоилось нечто, напоминающее гигантского осьминога в густом багровом соусе. Щупальца всё еще лениво подергивались, словно протестуя против своего кулинарного предназначения.

За столом уже сидел Пагсли, чей вид был весьма потрепанным после экспериментов в подвале: одна бровь отсутствовала, а на щеке красовалось свежее пятно от сажи. Рядом на своей подставке замер Вещь, нервно постукивая указательным пальцем по скатерти.

Когда Александр вошел в зал, Гомес указал ему на почетное место. — Прощу вас, Александр! Сегодня у нас «Сюрприз из бездны». Надеюсь, вы не боитесь еды, которая способна дать сдачи?

Уэнсдей села напротив гостя, ожидая увидеть на его лице хоть тень брезгливости. Но Блэк лишь взглянул на стол и едва заметно приподнял бровь. Перед каждым гостем вместо обычных столовых приборов лежали стерильные хирургические инструменты: скальпели, зажимы и острые расширители.

— Оригинальный подход к сервировке, — спокойно заметил Александр.

Он взял скальпель. Его движения были настолько уверенными и отточенными, что Гомес на мгновение застыл с за-

жимом в руке. Блэк вскрыл плотную кожу «сюрприза» одним точным движением, не пролив ни капли лишнего сока, словно проводил операцию на сердце. Он орудовал инструментами с такой легкостью и изяществом, будто ужинал в Букингемском дворце, а не препарировал монстра в доме Аддамсов.

Уэнсдей чувствовала, как внутри всё закипает. Он не просто вписывался в их мир — он доминировал в нем, оставаясь при этом вызывающе «чистым».

— Великолепно! — воскликнул Гомес, в восторге вонзая свой зажим в щупальце. — Посмотрите на эту технику! Мортиша, у парня руки палача с душой эстета!

Мортиша, грациозно потягивая вино цвета венозной крови, не сводила глаз с гостя. — Расскажите, Александр, что еще, помимо анатомии, привлекло ваше внимание в нашем доме?

Александр отложил скальпель и промокнул губы черной салфеткой. Его движения были пугающе размеренными.

— Ваша галерея предков весьма... поучительна, миссис Аддамс. Но меня заинтересовала одна картина в дальнем крыле. На ней была запечатлена молодая Мортиша рядом с девушкой, поразительно на неё похожей. Внизу была подпись: «Мортиша и Офелия».

В столовой внезапно стало так тихо, что слышно было лишь сердитое шипение свечей. Пагсли перестал жевать, застыв с открытым ртом, а Вещь плотно прижался к скатерти,

перестав постукивать пальцами. Имя Офелии редко произносилось в этих стенах, оно было окутано густым туманом семейного отчуждения.

— Офелия... — Александр посмотрел прямо в глаза Мортише, его взгляд был лишен тепла, но полон холодного интереса. — Это ваша сестра? У неё был весьма... специфический венок из цветов. Кажется, она предпочитала безумие обычному семейному уюту?

Мортиша медленно поставила бокал на стол. Её бледные пальцы чуть сильнее, чем следовало, сжали тонкую ножку из богемского хрусталя. На мгновение её вечно спокойное лицо превратилось в застывшую маску.

— У вас острый глаз, Александр. И опасное любопытство, — её голос стал холодным и звенящим, как лед под ногами. — Офелия — часть нашего прошлого, которую мы предпочитаем хранить за закрытыми дверями.

Уэнсдей ждала, что он продолжит давить, что начнет спрашивать подробности её исчезновения или безумия, но Александр лишь едва заметно склонил голову, принимая её ответ.

— Понимаю. Семьи без тайн — это как склепы без привидений: скучно и пусто, — спокойно произнес он.

К удивлению всех присутствующих, он не стал развивать эту тему. С абсолютным спокойствием и явным аппетитом Блэк вернулся к своей еде. Он мастерски отсек кусок «сюрприза из бездны», демонстрируя безупречную технику вла-

дения скальпелем, и продолжил ужинать так, словно секунду назад не затронул тему, способную разрушить покой поместья.

Уэнсдей сжала рукоять своего инструмента так, что металл жалобно скрипнул. Она не сводила глаз с его лица. Его внезапное отступление разозлило её еще больше, чем сам вопрос. Она поняла: имя Офелии не было упомянуто из праздного любопытства. Александр не был тем, кто тратит слова впустую. Это был зондаж, проверка границ, или, что вероятнее всего, тонкое напоминание о том, что он знает о роде Аддамсов гораздо больше, чем полагается однокласснику из «правильной» семьи.

Он ел с удовольствием, его аура оставалась всё такой же пустой и стерильной, а Уэнсдей чувствовала, как в её голове начинают складываться новые, еще более тревожные вопросы. Почему именно Офелия? Какую связь он видит между её безумием и тем, что происходит сейчас?

Блэк поднял взгляд и наткнулся на буравящий взор Уэнсдей. Он лишь загадочно улыбнулся одними уголками губ, словно подтверждая её догадку: игра только началась, и он уже ведет в счете.

Ужин подошел к концу в странной, почти осязаемой тишине. Когда Ларч начал убирать пустые блюда, Александр поднялся со своего места. Его движения были безупречны, как и в начале вечера.

«— Благодарю за гостеприимство, мистер и миссис Ад-

дамс», — произнес он, слегка поклонившись. — И прошу прощения, если за столом я затронул темы, которые у вас не принято тревожить. Моё любопытство иногда обгоняет моё воспитание.

Гомес, уже закуривающий свою любимую сигару, выпустил кольцо густого дыма. — Пустяки, юноша! В этом доме мы ценим тех, кто умеет копать глубоко. Приходите еще, когда захотите препарировать не только нашу еду, но и наши нервы!

Александр перевел взгляд на Уэнсдей. — Не будешь ли ты так любезна проводить меня до ворот? Ночь на ваших землях кажется... обманчивой.

Уэнсдей молча встала и направилась к выходу. Она чувствовала на себе озабоченный взгляд матери, но не обернулась.

Они вышли из дома в объятия сырого, липкого тумана. Пока они шли по длинной гравийной аллее, Уэнсдей была натянута как струна. Она ждала, что сейчас, наедине, он наконец раскроет карты. Объяснит про «А.В.», про перстень, про то, зачем он пришел на самом деле. Но Блэк молчал. Он шел рядом, заложив руки за спину, и казалось, его вполне устраивал лишь хруст камней под ногами и отдаленное уха-нье совы.

Эта тишина давила на Уэнсдей сильнее, чем любой допрос. Она уже открыла рот, чтобы самой потребовать объяснений, но они как раз достигли кованых ворот.

Александр остановился и медленно повернулся к ней. Туман клубился вокруг него, скрывая всё, кроме его бледного лица и пронзительных глаз.

«— Ты провела всё лето в поисках, Уэнсдей», — произнес он, и в его голосе не было и тени прежней светской вежливости. Чтобы найти ответы, которые тебе так нужны, не нужны библиотеки и старые газеты. У тебя уже всё есть для этого. Всё, что тебе нужно, всегда было при тебе.

Уэнсдей нахмурилась, делая шаг к нему. — Это очередная загадка, Александр? Мое терпение на исходе.

— Это не загадка, это факт, — он на мгновение задержал взгляд на её руках, словно видел невидимые нити, связывающие её с её даром. — До встречи в Неверморе, Уэнсдей. Постарайся не потерять то, что делает тебя собой, пока мы не увидимся снова.

Он шагнул за ворота и мгновенно растворился в белесой пелене тумана, словно его и не было. Уэнсдей осталась стоять одна у холодных прутьев ограды. В её голове эхом отдавались его последние слова. «У тебя для этого всё есть».

Она непроизвольно сжала кулаки, чувствуя, как внутри ворочается холодная, темная ярость. Он ушел, оставив её с еще большим количеством вопросов, чем было до его прихода. Но где-то в глубине сознания, там, где затаились её замолчавшие видения, что-то едва заметно дрогнуло.

Уэнсдей еще несколько минут стояла у ворот, глядя в пустоту тумана, поглотившего Александра. Воздух ка-

зался наэлектризованным, а тишина — неестественно тяжелой. Наконец, она резко развернулась и направилась обратно к дому.

Внутри всё вернулось в привычное русло безумия. В гостиной Гомес и Мортиша предавались своему вечернему ритуалу: они кружились в медленном, страстном танце под звуки старого граммофона, который хрипел старинное танго. Гомес то и дело перехватывал руку жены, чтобы поцеловать её до локтя, а Мортиша смотрела на него с той нежной отрешенностью, которая бы напугала любого обычного человека.

— Этот юноша... — прошептал Гомес, не прерывая танца, когда Уэнсдей проходила мимо. — У него хватка как у голодного питона, кара миа.

— И сердце как ледник, мон шер, — отозвалась Мортиша, провожая дочь взглядом. — Наша тучка нашла достойного противника для своих интеллектуальных пыток.

Уэнсдей проигнорировала их, не проронив ни слова. Она поднялась в свою комнату и плотно закрыла дверь, погружаясь в привычный мрак. Села за стол, глядя на пустой лист бумаги. Слова Блэка «У тебя для этого всё есть» крутились в голове, как навязчивая мелодия. Она перебирала в уме всё, что было у неё в руках: записку, знания о Хайдах, свою родословную... Но что-то всё равно ускользало.

Вещь, запрыгнув на стол, вопросительно застучал пальцами по дереву, привлекая её внимание. Он всё еще сжимал смартфон, который за вечер успел разрядиться наполовину.

— Вещь, — холодно произнесла Уэнсдей, не поворачивая головы. — Напиши в этот нелепый чат «Беладонн».

Вещь замер, ожидая диктовки. Его указательный палец застыл над экраном.

— Сообщи им, что Александр Блэк только что покинул поместье Аддамс. Напиши, что он был моим гостем.

Вещь быстро застрочил по клавишам. Он понимал: это сообщение произведет эффект разорвавшейся бомбы среди её одноклассников. Уэнсдей Аддамс, которая ненавидела социальные контакты, не просто приняла гостя, а приняла самого загадочного и «идеального» ученика школы в своем семейном гнезде.

— Пусть гадают, зачем он здесь был, — добавила она, глядя в окно на луну, едва проглядывающую сквозь тучи. — Если он хотел игры, он её получит.

Она знала, что через несколько минут телефон Вещи взорвется от уведомлений, вопросов Ксавьера и восклицательных знаков Энид. Но это её не волновало. Она впервые за всё лето почувствовала, что тупик исчез. Впереди была дорога в Невермор, и на этот раз она знала точно: тишины больше не будет.

Глава 2: Обратнo в бездну

Свинцовый путь

Черный «Кадиллак» 1939 года, похожий на огромного лакированного жука-гробовщика, бесшумно плыл по извилистой колее, ведущей прочь от поместья. За рулем, неподвиж-

ный и монументальный, как скала, сидел Ларч. Его огромные руки в безупречных белых перчатках едва касались рулевого колеса, а пустые, затуманенные глаза отражали лишь бесконечную серую ленту дороги. Время от времени он издавал низкий, вибрирующий стон, который служил ему вместо гудка, заставляя ворон врассыпную взлетать с придорожных камней.

В салоне пахло старой кожей, формалином и тонкими духами Мортиши. Гомес и Мортиша сидели впереди, переплетя пальцы. Гомес, в своем классическом костюме в полоску, сегодня выглядел на удивление сосредоточенным; он то и дело потирал рукоять своей трости, в то время как Мортиша, чье лицо в профиль казалось вырезанным из драгоценной кости, задумчиво смотрела на пролетающие мимо сухие пустоши.

На заднем сиденье Пагсли вел свою собственную тихую войну. Он методично проверял содержимое массивного медного чемодана, набитого динамитными шашками, склянками с фосфором и запчастями для своих механических монстров. Мальчик выглядел сосредоточенным: в этом году он твердо решил, что лаборатория алхимии в Неверморе должна быть перестроена по его чертежам.

Уэнсдей сидела у противоположного окна, окутанная холодом своего молчания. Её взгляд был прикован к пейзажу за стеклом — чахлые деревья, затянутые паутиной, и небо цвета сырого бетона идеально гармонировали с её настрое-

нием. На её коленях неподвижно лежал Вещь.

Смартфон в его руках был единственным ярким пятном в этом царстве монохрома. Вещь всё еще переваривал события прошлой ночи. Как только Уэнсдей отдала приказ написать в чат «Беладонн», экран превратился в поле боя. Весь вечер и половину ночи телефон не переставал содрогаться.

Уэнсдей помнила, как в комнате поместья вспыхивали уведомления, которые Вещь демонстрировал ей с неммым восторгом. Энид буквально взорвала сеть: её сообщения состояли из капслока, радужных эмодзи, сменяющихся черепами, и аудиосообщений, в которых она то визжала от восторга, то требовала немедленных объяснений. Ксавьер прислал лаконичное, но пропитанное скрытой ревностью: «Надеюсь, он не перепутал твой дом с музеем восковых фигур». Даже Бьянка не удержалась от колкости, намекая, что визит Блэка — это либо начало апокалипсиса, либо очень изощренная шутка.

Сама Уэнсдей не ответила ни на одно сообщение. Она наслаждалась созданным хаосом, чувствуя, как её короткое послание отравило покой «Беладонн».

— Ты слишком спокойна для того, кто только что бросил в муравейник зажженную спичку, дорогая, — не оборачиваясь, произнесла Мортиша. Её голос был тихим, как шелест сухих листьев.

— Спички — это для Пагсли, мама, — ответила Уэнсдей, глядя на то, как Ларч сворачивает на дорогу к лесу Иерихона.

— Я бросила туда нечто более токсичное. Информацию.

— Блэки — непростая династия, Уэнсдей, — Гомес наконец подал голос, и в его тоне не было привычного веселья. — У них есть традиция: приходить без приглашения и уходить, оставляя после себя пепелище. Если этот мальчик решил навестить тебя летом, значит, он уже наметил твою позицию на своей шахматной доске.

Уэнсдей сжала пальцы на подлокотнике. Воспоминание о пустых руках Александра, на которых не было перстня, кольнуло её мозг. Он спрятал символ, но оставил слова. «У тебя для этого всё есть».

Впереди, сквозь густую чащу вековых сосен, показались острые шпили Невермора. Школа выглядела как огромный готический скелет, ожидающий своих жертв. Ларч издал особенно долгий, печальный стон.

— Мы на месте, — сухо констатировала Уэнсдей. — Вещь, убери это устройство. В Неверморе нам понадобятся не экраны, а все пять чувств. И, возможно, одно шестое, если оно соизволит проснуться.

Спектакль на ступенях Невермора

Двор академии Невермор в день приезда напоминал не то развороченный муравейник, не то ожившую иллюстрацию к трактату о потусторонних мирах. Воздух, густой и влажный, был пропитан запахом озона, старого камня и горьких духов. Тишину горного ущелья разрезали хлопки тяжелых автомобильных дверей и вскрики. Сирены Иерихона, высокомерно

поправляя шелковые шарфы, выгружали чемоданы из лакированных лимузинов; меховые оборотни сбивались в шумные стаи, наполняя двор гортанным лаем и нервным смехом. Горгульи на карнизах, покрытые многовековым мхом, казались застывшими судьями, бесстрастно вззирающими на этот ежегодный хаос.

В этот пестрый шум, словно лезвие гильотины в мягкий воск, вошел черный «Кадиллак» Аддамсов. Машина двигалась так бесшумно и неотвратно, что толпа невольно раступалась, а смех затихал, сменяясь почтительным шепотом.

Ларч, чья монументальная фигура казалась вытесанной из той же скалы, что и фундамент школы, вышел первым. Его утробный, похожий на стон из глубин склепа звук заставил ближайшую группу оборотней мгновенно присмиреть. Он торжественно распахнул заднюю дверь.

Первым на гравий спрыгнул Пагсли. С массивным медным чемоданом, из которого доносилось зловещее тиканье и писк, он выглядел как маленький заговорщик. Мальчик тут же опустился на колени у корней векового, больного дуба, выискивая в земле особо ядовитых насекомых для своих новых опытов.

За ним на свет появилась Уэнсдей. Её черное пальто казалось поглощающей свет дырой в пространстве. На её плече, нервно перебирая пальцами, устроился Вещь — он ловко сканировал толпу, словно радар, ища угрозы.

Наконец, из салона вышли Гомес и Мортиша. Они напо-

минали чету монархов, только что покинувших бал в фамильном склепе. Мортиша в облегающем платье, шлейф которого напоминал живые тени, и Гомес, поправляющий манжеты с хищной, азартной улыбкой.

Директор Лариса Уимс уже ждала их на верхних ступенях. Её высокая фигура в безупречном сером костюме была воплощением строгого порядка. Но Уэнсдей смотрела не на неё.

Рядом с директором стояла девушка — ледяное видение. Водопад ослепительно белых волос контрастировал с темной формой, а кожа была настолько бледной, что казалась прозрачной. Её черты лица были выточены из мрамора древним мастером. В огромных льдисто-серых глазах застыла осознанная, глубокая меланхолия. Она напоминала фарфоровую статуэтку, которую случайно оставили на морозе.

В этот момент, плавно огибая толпу, к Аддамсам направился Александр Блэк.

— Мистер Аддамс, миссис Аддамс, — произнес он, и его голос был подобен бархату, скрывающему сталь. — Ваше прибытие всегда превращает этот унылый двор в подобие приличного кладбища перед грозой.

Он склонил голову перед Мортишей. Гомес, чей взгляд уже азартно блеснул, сделал шаг вперед.

— Александр! Мой юный любитель стерильности! — воскликнул Гомес. — Глядя на ваш безупречный вид, я чувствую непреодолимое желание немедленно испачкаться в

сырой земле или вызвать вас на дуэль на ржавых спицах. Ваше присутствие здесь — как глоток свежего формалина в жаркий полдень. Бодрит и лишает воли к жизни!

Александр вежливо и холодно улыбнулся, но в этот момент он случайно поднял взгляд к лестнице — туда, где стояла белокурая незнакомка.

Вакуум

Мир вокруг внезапно потерял звук. Шум толпы и крики птиц превратились в неразличимый гул. В ту секунду, когда взгляд Александра встретился с глазами девушки на ступенях, его маска безупречного аристократа не просто дрогнула — она пошла трещинами.

Его зрачки на долю секунды сузились, превратившись в две острые точки, а пальцы, заложенные за спину, судорожно сжались, сминая ткань пиджака. В его лице промелькнуло нечто невыносимое для Александра Блэка: чистый, неприкрытый шок, смешанный с узнаванием, которое он тут же попытался загнать в самую глубину сознания. Он не произнес ни слова, но его дыхание на мгновение сбилось.

Анна Вайт вздрогнула так сильно, что её фарфоровая бледность сменилась мертвенной серостью. Она не просто узнала его — она выглядела как человек, увидевший призрак своего самого страшного греха. Её пальцы впились в ляжку сумки с такой силой, что костяшки побелели. Между ними возникло напряжение такой плотности, что казалось, протяни руку — и воздух ударит током. Она смотрела на него сни-

зу вверх, и в этом взгляде Уэнсдей прочитала не страх, а обреченную покорность судьбе.

Директор Уимс, чья интуиция была отточена годами, мгновенно почувствовала, что воздух между подростками наэлектризован до предела. Она сделала шаг вперед, мягко положив руку на плечо Анны.

— Александр, я вижу, вы уже обратили внимание на нашу новую ученицу, — голос Уимс звучал бодро, но в нем проskalьзывали предупреждающие нотки. — Это Анна Вайт. Она перевелась к нам по программе обмена. Я как раз собиралась представить вас...

Александр не сводил глаз с Анны. Его взгляд был подобен хирургическому скальпелю — холодный и безжалостный. Он не подал виду, что они знакомы, но тишина, которую он выдержал перед ответом, была красноречивее любых признаний. Наконец, он медленно повернул голову к Гомесу и Мортише, и на его лице снова расцвела та самая вежливая, пустая улыбка.

— Прошу меня простить, мистер Аддамс, миссис Аддамс. Моё удивление было... несколько несдержанным. Редко встретишь в Неверморе лица столь... выразительной меланхолии.

Он сделал паузу, и его взгляд на долю секунды метнулся к Уэнсдей.

«— Кажется, этот учебный год будет не просто полезным», — произнес он с едва уловимой зловещей ноткой. —

Он будет смертельно интересным.

Гомес Аддамс, наблюдавший за сценой с видом знатока, дегустирующего редкий яд, издал тихий восторженный вздох.

— О, Мортиша, любовь моя! — воскликнул он, хватая жену за руку. — Ты слышишь этот тон? Эта изысканная жажда грядущей катастрофы! Александр, вы превзошли мои ожидания. Сказать «смертельно интересно» в присутствии двух Аддамсов и девушки, которая выглядит как ожившее проклятие — это поэзия!

Мортиша грациозно склонила голову, не сводя пронизательного взгляда с побледневшей Анны.

— Наслаждайся этим предчувствием, Александр, — тихо пропела она. — Но помни: когда интерес становится смертельным, выживает лишь тот, кто умеет дышать в пустоте.

Александр еще раз коротко поклонился родителям Уэнсдей, полностью проигнорировав саму девушку, и стремительно развернулся. Он не просто ушел — он отступил, как полководец, которому нужно срочно пересмотреть план сражения.

Директор Уимс профессионально и быстро взяла ситуацию под контроль, не давая наэлектризованному воздуху окончательно искрить.

— Мистер и миссис Аддамс, я полагаю, нам стоит продолжить в моем кабинете, — её голос звучал мягко, но уверенно.

но. — Нужно завершить оформление последних бумаг. Тем более что в этом году Невермор принимает не одну, а сразу две «жемчужины» вашей семьи.

Она взглянула на Пагсли, который в этот момент пытался запихнуть в чемодан особенно крупного слизня.

— Пагсли будет жить в Калибан-холле, — добавила Уимс, и на её губах промелькнула ностальгическая улыбка. — В той самой комнате, которую когда-то занимал ты, Гомес.

Гомес Аддамс замер. Его глаза расширились, а рука, поправлявшая ус, на мгновение дрогнула. — Калибан-холл... — прошептал он, и его голос наполнился благоговейным трепетом. — Мортиша, любовь моя, ты слышишь? Моя старая берлога! Там всё еще должен пахнуть сыростью тот угол, где я упражнялся в метании ножей, и, надеюсь, пятна от моих алхимических опытов на потолке так и не вывели.

— Это легендарное место, дорогой, — Мортиша коснулась его плеча, её взгляд был полон нежности. — Идеальное место для первых шагов Пагсли в искусстве хаоса.

— Его соседом будет Юджин Оттингер, — продолжила Уимс, жестом приглашая их следовать за собой. — Мальчик тихий, увлекается пчелами. Думаю, они найдут общий язык.

Пагсли заметно оживился. Тихий сосед с тысячами жалящих насекомых звучал как лучший подарок на новоселье.

— Ларисса, — Гомес азартно блеснул глазами, — если вы позволите, я сам провожу сына и покажу ему те тайные скрипучие половицы, о которых не знает даже школьный завхоз.

Это мой отцовский долг! Пока моя несравненная Мортиша будет заниматься скучной бюрократией.

— Разумеется, Гомес. Я пришлю за вами, когда бумаги будут готовы, — Уимс кивнула и повернулась к белокурой девушке, которая всё это время стояла неподвижно, как тень. — Мисс Вайт, вам также необходимо пройти в кабинет для получения расписания и ключей.

Мортиша, Уимс и Анна направились к главному входу. Анна шла чуть позади, её походка была бесшумной, а взгляд — опущенным в пол. Мортиша, чья интуиция редко ошибалась, то и дело бросала на девушку пронизательные взгляды, словно пытаясь считать информацию с её ауры, которая казалась ей подозрительно знакомой.

Гомес же, схватив Пагсли за плечо и прихватив его тикающий чемодан, с восторженным возгласом направился в сторону жилых корпусов. — Идем, сын мой! Я покажу тебе место, где я впервые узнал, что такое настоящая, неразбавленная меланхолия и как правильно затачивать шпагу о подоконник!

Уэнсдей осталась на ступенях одна. Вещь на её плече восторженно поскреб ногтем по ткани. Она посмотрела вслед отцу, затем на закрывающиеся двери школы, за которыми скрылась Анна Вайт.

— Юджин и Пагсли — это взрывоопасная смесь, Вещь, — холодно произнесла Уэнсдей. — Но меня больше беспокоит то, что мама смотрит на эту «снежную королеву» так,

будто видит в ней не ученицу, а привидение из собственного прошлого.

Цифровой апокалипсис и тени прошлого

Уэнсдей проводила взглядом отца и брата. Гомес, размахивая руками, что-то увлеченно объяснял Пагсли, указывая на старые горгульи Калибан-холла. Как только их фигуры исчезли за поворотом, Уэнсдей едва заметно шевельнула плечом.

— Вещь, ты знаешь, что делать, — прошептала она. — Кабинет директора. Вентиляция или карниз. Мне нужно каждое слово, сказанное под тем потолком. Особенно то, что скажет она.

Вещь коротким щелчком пальцев подтвердил приказ и бесшумно соскользнул в густую тень плюща, ползущего по стене замка. Не успела Уэнсдей сделать и десяти шагов, как тишина была разорвана на части.

— УЭНСДЕЙ!!!

Через толпу, распахивая сонных вампиров и недовольных сирен, неслась Энид Синклер. Её розовый берет мелькал в толпе, как сигнальный огонь в штормовом море. Она затормозила перед Уэнсдей так резко, что гравий брызнул на туфли Аддамс.

— О боже! Ты здесь! Наконец-то! — Энид выглядела так, будто внутри неё взорвалась радужная петарда. — Уэнсдей, ты обязана мне всё рассказать! Мой телефон чуть не сгорел!

Твое сообщение в чате... Блэк в твоём доме?! Весь чат «Белладонны» стоял на ушах! Ксавьер даже не выходил из сети полночи, я видела, что он постоянно «печатает», но так ничего и не отправил. Это был просто цифровой апокалипсис!

Уэнсдей медленно моргнула, её лицо оставалось неподвижным, как плита склепа. — Энид, твоя вокальная частота способна вызвать самопроизвольный аборт у летучих мышей. Дыши.

В этот момент толпа учеников расступилась, и к ним быстрым шагом подошел Ксавьер Торп. Следом за ним, лениво поправляя шапку и стараясь не встречаться взглядом с Уэнсдей, плелся Аякс. Ксавьер выглядел так, будто не спал неделю: под глазами залегли тяжелые тени, а во взгляде читалась смесь тревоги и затаенной обиды.

— Привет, — произнес Ксавьер, и его голос звучал натянуто, как струна. — Вижу, лето у тебя прошло куда интереснее, чем ты описывала в своих скупых письмах. Блэк в поместье Аддамс? Это твой новый уровень «держат врагов поближе»? Или он просто решил проверить, насколько гостеприимны твои гильотины?

Уэнсдей скрестила руки на груди, игнорируя колкость. — Ксавьер. Александр пришел без приглашения. И ушел, оставив после себя гораздо больше вопросов, чем планировал. Например, почему его появление в школе совпало с приходом «снежной королевы», которая сейчас сидит в кабинете Уимс вместе с моей матерью.

Ксавьер на мгновение замолчал, его челюсть сжалась. Он посмотрел в сторону главного входа, куда ушли Мортиша и Анна. — Ты про новенькую, Анну Вайт? — подал голос Аякс, нервно поправляя шапку. — Весь интернет-форум школы уже гудит. Говорят, она из какой-то очень старой и очень закрытой семьи. На неё даже вампиры смотрят с опаской.

— Старые семьи обычно прячут самые грязные секреты, — отрезала Уэнсдей. Она перевела взгляд на Ксавьера. — Тебя что-то беспокоит больше, чем просто визит Александра в моё поместье, Торп. Твои рисунки снова оживают по ночам?

Ксавьер отвел взгляд, его пальцы нервно сжали лямку рюкзака. — Мои рисунки — это меньшая из проблем, Уэнсдей. Просто... когда Блэк появляется там, где его не ждут, всегда проливается кровь. Или открываются двери, которые должны были оставаться запёртыми навсегда.

Энид проводила Ксавьера и Аякса взглядом, а затем мгновенно развернулась к Уэнсдей. Её глаза сияли от нетерпения.

— Окей, парни ушли. А теперь — выкладывай всё! — Энид едва не подпрыгивала. — Кто эта Анна и почему Блэк выглядел так, будто увидел привидение? У него даже челюсть на секунду дрогнула!

Они поднимались по широкой винтовой лестнице. Холодный сквозняк завывал в узких окнах-бойницах, пахло старым камнем. Энид практически бежала впереди, то и дело

оборачиваясь. Уэнсдей же поднималась размеренно, и каждый её шаг по каменным ступеням звучал как удар метронома, отсчитывающего время до начала бури.

В комнате «Офелия-Холл» воцарился полумрак. Уэнсдей встала у своей печатной машинки, глядя в окно.

— Моё лето началось не с тишины, а с предчувствия катастрофы, — начала Уэнсдей, не оборачиваясь. Голос её был ровным, но в нём слышался скрежет металла. — Ты помнишь тот день в июне? Когда все грузили вещи. Я возвращалась за машинкой и столкнулась с Блэком. На его руке красовался массивный перстень. Черное серебро, сплетенные тернии и латинская «V», залитая эмалью цвета запекшейся крови. Это было не украшение, Энид. Это было клеймо.

Уэнсдей сжала кулаки так сильно, что костяшки побелели.

— В тот же день я нашла в каретке машинки лист. «КО-НЕЦ?» — и подпись «А. В.». Острые буквы, как шипы на том самом кольце.

— О боже мой! — Энид вскочила, её когти произвольно выскочили. — Красная «V»? Но у него фамилия Блэк! Откуда там «V»? Это как загадка внутри загадки!

В комнате было непривычно тихо без Вещи, чье место на столе пустовало. Уэнсдей продолжала, и её голос стал ниже:

— Я провела три месяца в аду, Энид. В аду собственно-го бессилия. Я перерыла сотни родословных, пытаюсь найти связь между Блэком и этой буквой. Но мой дар предал меня. Видения превратились в бесполезный белый шум. Это

было унижительно — осознать, что он оставил мне вызов, а я не способна даже расшифровать подпись. Я чувствовала себя слепым котенком в лабиринте, который построил этот аристократ.

Энид притихла, пораженная силой ненависти в голосе подруги. Она никогда не видела Уэнсдей такой... уязвленной.

— А потом он явился в наше поместье, — Уэнсдей медленно повернулась, и её глаза блеснули холодным огнем. — Он пил чай с моими родителями... Но когда он протянул руку к чашке, я увидела: кольца нет. Палец был пуст. Он снял его намеренно, Энид. Он приехал к нам домой, чтобы издеваться, заставляя меня сомневаться в собственной памяти. Он дразнил меня в моем же доме, демонстрируя свою «чистоту».

— Он буквально играл с тобой в кошки-мышки! — выдохнула Энид.

Уэнсдей снова подошла к окну. — Он думал, что сломал меня. Но сегодня маятник качнулся обратно. Когда эта новенькая, Анна Вайт, появилась на ступенях... я видела его лицо. В ту секунду, когда их взгляды встретились, Александр перестал быть скучающим кукловодом. Он не произнес ни слова, но застыл так, будто по его жилам пустили жидкий азот. Это не было просто узнавание. Это была встреча двух выживших в катастрофе, которые надеялись больше никогда не видеть друг друга.

— А она? — прошептала Энид. — Она тоже его узнала?

— Она выглядела так, будто увидела своего палача, вставшего из могилы. Побледнела до синевы и просто замерла. Александр приехал в мой дом, чтобы убедиться, что я слепа, но сегодня он сам обнаружил, что его главная слабость уже ждет его в Неверморсе.

Уэнсдей медленно подошла к печатной машинке и вставила чистый лист. Резкий звук каретки прозвучал как взвод затвора.

— Он сказал, что у меня уже «всё есть». Теперь я понимаю: он имел в виду её. Анна Вайт — это и есть мой ответ. Ключ к его кольцу и к тому издевательскому «КОНЦУ?». Если Блэк — это хищник, который всё лето играл со мной, то Анна — это добыча, которая знает, где у хищника находится сердце. И я намерена его вырезать.

Глава 7: Незванный сожитель

Пока Уэнсдей и Энид поднимались в «Офелия-холл», Ксавьер и Аякс молча шли по коридорам мужского корпуса. Аякс выглядел потерянным — новости о Блэке в поместье Аддамсов и ледяная аура новенькой явно выбили его из колеи.

— Ладно, чувак, увидимся на ужине, — бросил Аякс, останавливаясь у своей двери. — Надеюсь, этот год не закончится чьими-то похоронами в первую же неделю.

Ксавьер лишь хмуро кивнул. Он чувствовал странное беспокойство, которое нарастало с каждым шагом по длинному коридору. Подойдя ближе к своей двери, он замер: створка

была приоткрыта. Изнутри лился мягкий свет, и слышался тихий шорох бумаги.

Ксавьер резко толкнул дверь и замер на пороге. Его мольберты были отодвинуты к стене, освобождая место для массивного антикварного сундука из темного дерева. У окна, спиной к нему, стоял Александр Блэк. Он медленно перелистывал один из альбомов Ксавьера, словно проверяя качество его работ.

Услышав шаги, Александр медленно повернулся. На его лице играла та самая вежливая, пустая улыбка, которая так бесила Уэнсдей.

— Привет, Ксавьер, — произнес он, закрывая альбом. — Кажется, в этом году мы будем делить не только секреты клуба, но и жилплощадь. Я твой новый сосед.

Ксавьер почувствовал, как внутри закипает глухая ярость, смешанная с недоумением. — Какого черта, Блэк? Ты должен был жить в отдельном крыле для старшекурсников. Кто это разрешил?

Александр прошел в центр комнаты, по-хозяйски поправляя воротник. — Директор Уимс. Видишь ли, для всех это сплошные плюсы. Директору будет спокойнее, если «идеальный ученик» будет под присмотром героя, спасшего школу. Она считает, что твое положительное влияние поможет мне... адаптироваться.

Александр подошел к Ксавьеру вплотную, и его голос стал тише, приобретая опасную глубину: — К тому же, это решит

проблему Уэнсдей. Она перестанет тратить время на шпионаж за мной через окна и замочные скважины, потому что теперь это будет бессмысленно — ведь я всегда на виду у её верного рыцаря. Согласись, так гораздо веселее.

Ксавьер сжал кулаки, глядя на то, как Блэк раскладывает свои вещи. — Ты думаешь, я буду за тобой приглядывать? Я не твоя нянька.

— Нет, ты мой союзник по «Белладонне», — Александр вдруг замер и вытащил из кармана телефон. — Да, кстати, Ксавьер. Я заметил маленькое недоразумение. Почему-то вы забыли добавить меня в свой новый закрытый чат клуба.

Ксавьер похолодел. Этот чат был создан специально, чтобы обсуждать подозрительное поведение Блэка в обход него самого.

— Хм, ну ничего страшного, — Александр усмехнулся, глядя в экран. — Я уже исправил эту досадную ошибку. Проверь уведомления.

В кармане Ксавьера телефон коротко завибрировал.

[Система]: Пользователь Alexander_Black добавлен в группу «Belladonna_Secret».

Александр прошел к своей кровати и сел, сложив ногу на ногу. — Теперь мы действительно одна команда. Не так ли, сосед?

Опаловая чистота

Кабинет Лариссы Уимс в этот предгрозово́й час превратился в театральные подмостки для теней. Высокие стрель-

чатые окна впускали скудный, сероватый свет, который разбивался о массивную дубовую мебель и стеллажи, заставленные редкими артефактами. В воздухе стоял сложный аромат: сухая лаванда, старый пергамент и едва уловимая нотка озона — предвестник бури. На столе директора, среди стопок личных дел, возвышалась пишущая машинка, чей стальной блеск напоминал оскал.

Вещь, затаившись в тени тяжелой бархатной портьеры, практически слился с темным деревом подоконника.

Напротив Лариссы, в кресле с высокой спинкой, сидела Анна Вайт. Но сейчас в ней не было ни капли того оцепенения, что охватило её у ворот. Она сидела с безупречной осанкой, сложив на коленях бледные ладони. На её губах играла мягкая, светящаяся улыбка, а белые волосы в полумраке казались нимбом, сотканным из лунного света.

Мортиша Аддамс, расположившаяся в соседнем кресле, медленно — со своейственной ей грацией хищного растения — повернула голову к девушке. Её взгляд, темный и пронзительный, замер на лице Анны.

— Вы мне кого-то напоминаете, мисс Вайт, — пропела Мортиша, и её голос был подобен звуку виолончели в пустом склепе. — От вас исходит поразительная, почти пугающая чистота. Знаете, в нашем мире такая белизна часто служит фоном для самых изысканных трагедий. Это восхитительно.

Анна склонила голову, ни на секунду, не теряя своего благостного вида. — Благодарю, миссис Аддамс. Я считаю, что

порядок в мыслях так же важен, как и порядок в поступках.

Мортиша перевела взгляд на Лариссу Уимс, и в её глазах вспыхнул опасный огонек. — Ларисса, дорогая, береги эту девочку. Она кажется такой... нетронутой. Словно свежеевыпавший снег на забытом кладбище. Было бы крайне печально, если бы этот снег слишком быстро начал таять.

В этот момент массивная дубовая дверь распахнулась с таким грохотом, будто в неё ударило пушечное ядро. В кабинет ворвался Гомес. Он выглядел так, словно только что искупался в фонтане молодости, смешанном с пороховой гарью.

— Ларисса! Мортиша, солнце моего затмения! — Гомес подлетел к жене, осыпая её руку страстными поцелуями. — Калибан-холл — это истинный шедевр упадка! Я обнаружил в подвалах ту самую плесень, которую мы соскребали для опытов в семьдесят девятом! Она всё ещё жива, Мортиша! Она узнала меня по запаху!

Гомес резко обернулся, его взгляд упал на Анну, которая вежливо поднялась навстречу гостю. Аддамс-старший замер на полуслове, его глаза расширились от восторга. Он обошел девушку по кругу, словно оценивая редкий сорт ядовитого гриба.

— Клянусь всеми проклятиями моих предков! — выдохнул Гомес, театрально прижав руку к сердцу. — Ты была права, любовь моя. Поразительная чистота! Молодая леди, вы выглядите настолько стерильно, что рядом с вами мне хочет-

ся немедленно извиниться за то, что я дышу.

Он прищурился, и в его взгляде мелькнуло мимолетное сравнение. — Вы поразительно напоминаете нашего идеального гостя — Александра Блэка. У вас та же пугающая манера выглядеть безупречно в мире, который так и жаждет облить нас грязью. Вы двое — как пара шахматных фигур из слоновой кости, случайно оказавшихся в коробке с битым стеклом.

Анна улыбнулась еще шире, и эта улыбка была настолько идеальной, что Вещь на подоконнике непроизвольно сжал пальцы в кулак. — Мистер Блэк — достойный пример для подражания. Я рада, что произвожу на вас такое впечатление.

— О, это не просто впечатление, милочка, это предчувствие! — Гомес просиял, поворачиваясь к директору. — Ларисса, этот год обещает быть великолепным! Столько скрытого льда в одном здании... Я уже чувствую, как замерзает воздух!

Вещь понял: Гомес и Мортиша очарованы этой чистотой, но именно эта «стерильность» станет для Уэнсдей красной тряпкой. Пора было возвращаться и докладывать, что «враг» уже начал вербовать союзников в самом сердце семьи Адамс.

В кабинете директора разговор подошел к концу. Мортиша плавно поднялась с кресла, и её черное платье потекло по полу, словно живое масляное пятно.

— Пойдем, Гомес. Нам пора оставить мисс Вайт наедине с её новым будущим, — Мортиша бросила последний, глубокий взгляд на Анну, в котором читалось странное, почти научное любопытство.

Гомес еще раз отвесил Анне изысканный поклон, его глаза азартно блеснули, и супруги Аддамс покинули кабинет. Как только за ними закрылась тяжелая дверь, Вещь не стал ждать ни секунды. Он сорвался с подоконника и, перебирая пальцами с невероятной скоростью, бросился по карнизам и водосточным трубам в сторону Офелия-холла. Ему нужно было успеть к Уэнсдей до того, как родители покинут территорию школы.

В комнате Уэнсдей и Энид воздух всё еще вибрировал от признаний Аддамс. Уэнсдей только что закончила фразу о том, что использует Анну как ключ, чтобы выпотрошить Блэка. В комнате повисла тяжелая, почти торжественная тишина.

Внезапно два телефона на тумбочках синхронно издали резкий, пронзительный звук уведомления.

Уэнсдей даже не повела бровью. Она презирала эти звуки, считая их цифровым мусором. Но Энид, для которой телефон был продолжением руки, мгновенно схватила гаджет.

Её глаза округлились. Она перечитала сообщение один раз, затем второй.

— О... мой... бог... — выдохнула Энид. Она резко прижала свободную руку ко рту, и в этот момент из её пальцев с сухим

щелчком выскочили острые когти, пропоров розовый чехол телефона.

— Что там, Энид? Очередной апокалипсис в мире косметики? — холодно осведомилась Уэнсдей.

— Хуже, — голос Энид дрожал. — Уэнсдей, посмотри в чат «Белладонны». В тот самый... закрытый.

Уэнсдей нехотя подошла и взглянула на экран, который Энид дрожащими руками держала перед её лицом.

На дисплее светилось системное сообщение в их самом сокровенном цифровом пространстве:

[System]: Пользователь Alexander_Black добавлен в группу «Belladonna_Secret».

Уэнсдей смотрела на строку текста, и её взгляд становился всё холоднее. Это был не просто взлом. Это был сигнал: «Я вижу вас. Я слышу вас. Я здесь».

Напряжение в комнате стало почти физически ощутимым, но его разорвал резкий, утробный и бесконечно печальный гудок «Кадиллака», донесшийся со двора. Ларч звал их. Родители были готовы к отъезду.

Уэнсдей молча развернулась к выходу. В этот момент в окно запрыгнул Вещь, он был на взводе и сразу начал активно жестикулировать, пытаясь передать увиденное в кабинете Уимс.

— Позже, Вещь, — отрезала Уэнсдей, не замедляя шага. — Сначала я должна попрощаться с матерью и отцом.

Она вышла из комнаты, оставив Энид в оцепенении смот-

реть на экран телефона, где в списке участников секретного чата теперь красовалось имя того, от кого они пытались скрыться.

Тень «Кадиллака»

Двор Невермора стремительно тонул в сумерках. Тяжелый, влажный туман выползал из окрестных лесов, обволакивая колеса «Кадиллака» и превращая его в призрачный корабль, застывший в океане серой гальки. Ларч стоял у открытой двери, неподвижный и монументальный; его утробный вздох сливался с шумом ветра в кронах вековых сосен.

Уэнсдей и Пагсли стояли плечом к плечу. Брат выглядел непривычно собранным — атмосфера Калибан-холла, пропитанная рассказами отца, уже начала оседать на его плечах невидимым грузом фамильной гордости.

Гомес Аддамс подошел к сыну, его силуэт в тумане казался воплощением неукротимой энергии. Он положил тяжелые ладони на плечи Пагсли и заглянул ему в глаза с такой гордостью, будто отправлял его на дуэль за честь рода.

— Мой маленький разрушитель, — голос Гомеса вибрировал. — Помни: стены Калибан-холла крепки, но твоя воля должна быть крепче. Если почувствуешь, что мир вокруг становится слишком ярким и жизнерадостным — взрви его. Не разочаруй предков, которые ковали наше имя в огне и крови.

Пагсли серьезно кивнул, крепче сжимая ручку своего тикающего медного чемодана. Затем Гомес повернулся к Уэн-

сдей. Его взгляд смягчился, став по-отечески мрачным. — Уэнсдей, моя маленькая тучка... — он коснулся её щеки холодными пальцами. — Я вижу, как в твоих глазах разгорается пожар. Береги его. В этой школе много теней, но ты — та, кто заставляет эти тени дрожать.

Мортиша подошла к дочери со свойственной ей бесшумной грацией. Её черное платье казалось частью самого тумана. Она нежно, но твердо взяла Уэнсдей за плечи, и в этом жесте было гораздо больше тепла, чем Мортиша позволяла себе проявлять на людях.

— Уэнсдей, — тихо произнесла она, и её голос прорезал тишину двора. — Я знаю, что твои видения замолчали. Но тишина — это не всегда пустота. Иногда это затишье перед бурей.

Она чуть наклонилась к лицу дочери, и в её глазах отразилась глубокая, почти осязаемая забота.

— Не пытайся вызвать их силой. Не истощай себя, охотясь за образами, которые не хотят являться. Твой дар — это дикий зверь; если ты начнешь его загонять, он может обернуться против тебя. Обещай мне, что не будешь изнурять свой разум. В этом году у тебя есть Пагсли — приглядывай за ним. Это поможет тебе не утонуть в собственных мыслях.

Уэнсдей хранила молчание, но её взгляд на долю секунды смягчился. Она едва заметно кивнула, принимая это материнское напутствие как негласный договор.

— Вещь, — Мортиша перевела взгляд на руку, замершую

на плече дочери. — Приглядывай за ними обоими. Если случится нечто по-настоящему ужасное... наслаждайся этим моментом.

Ларч издал финальный, протяжный стон, который эхом отозвался от стен академии. Гомес и Мортиша грациозно скользнули в салон автомобиля. Тяжелая дверь закрылась с глухим, окончательным звуком.

«Кадиллак» медленно тронулся с места. Красные габаритные огни вспыхнули в тумане, как глаза пробудившегося зверя, и через мгновение машина растворилась в серой мгле, оставив после себя лишь запах жженой резины и горький аромат озона.

Уэнсдей и Пагсли стояли в абсолютной тишине, провожая взглядом пустоту, где только что был их дом. Наконец, они синхронно развернулись и направились к массивным дверям академии, скрываясь в тених коридоров Невермора.

Территория раздора

Уэнсдей проводила Пагсли до поворота в мужское крыло, коротко кивнув ему на прощание — Аддамсы не нуждались в долгих церемониях. Убедившись, что брат скрылся за тяжелыми дубовыми дверями Калибан-холла, она развернулась и направилась в сторону «Офелия-холла». Ей нужно было забрать Энид: совместный ужин в первый день был ритуалом, который помогал Уэнсдей сохранять видимость нормальности, а Энид — не впасть в истерику от переизбытка эмоций.

Она шла по длинному галерейному переходу, где витражи отбрасывали на пол длинные кроваво-красные тени. Внезапно из тени одной из колонн шагнул Ксавьер.

Он выглядел так, будто только что столкнулся с привидением, причем крайне недружелюбным. Лицо его было бледным, а челюсти плотно сжаты.

— Уэнсдей, — он преградил ей путь, и его голос звучал так, будто он с трудом сдерживает крик.

Уэнсдей остановилась, не меняя выражения лица. Вещь на её плече настороженно приподнялся, чувствуя вибрацию тревоги, исходящую от Торпа.

— Ксавьер. Твой вид говорит о том, что-либо твои картины начали критиковать твою технику, либо случилось нечто по-настоящему раздражающее.

— Раздражающее? — Ксавьер невесело усмехнулся и провел рукой по волосам. — Это мягко сказано. У меня новый сосед. Директор Уимс решила, что мне крайне необходимо «присматривать» за Александром Блэком. Он уже разложил свои вещи в моей комнате, Уэнсдей. Прямо сейчас он сидит на моей кровати и просматривает мои эскизы, как будто это утренние газеты.

Глаза Уэнсдей слегка сузились. Это был мастерский ход: Блэк не просто поселился в школе, он занял позицию, с которой мог контролировать самое близкое окружение Уэнсдей.

— Он оккупировал твою комнату, чтобы лишить меня глаз и ушей, — монотонно произнесла она. — Он знает, что

ты будешь докладывать мне о каждом его шаге, и собирается кормить нас той информацией, которую выберет сам.

— Это еще не всё, — Ксавьер вытащил телефон и едва не ткнул им в лицо Уэнсдей. — Он взломал `Belladonna_Secret`. Он не просто добавил туда, он сделал это с моего аккаунта или через какой-то обходной путь. Он издевается над нами, Уэнсдей. Он в самом центре нашего круга, и теперь каждое наше слово — это его достояние.

Уэнсдей посмотрела на экран телефона Ксавьера, где в списке участников чата хищно светилось имя Александра. В её голове уже начали выстраиваться цепочки ответных действий.

— Он думает, что, войдя в клетку, он стал хозяином зоопарка, — голос Уэнсдей стал ледяным. — Но он забыл, что в этой клетке заперты не только мы, но и он сам. Если он хочет, чтобы мы смотрели на него — мы будем смотреть. Так пристально, что его маска начнет плавиться.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ксавьер, глядя на её неподвижное лицо.

— То, что я умею лучше всего, — отрезала Уэнсдей. — Искать слабые места. Иди в столовую, Ксавьер. Веди себя так, будто его присутствие — лишь досадное насекомое на твоём холсте. Я заберу Энид, и мы встретимся там. Сегодня на ужине будет подан не только пудинг, но и первое официальное объявление войны.

Она прошла мимо него, даже не обернувшись, оставив

Ксавьера наедине с его гневом и предчувствием катастрофы, которая теперь дышала ему в затылок в его собственной комнате.

Ужин под прицелом

По пути в столовую Уэнсдей коротко пересказала Энид новость о «подселении» Блэка к Ксавьеру. Энид выглядела так, будто её ударили током, но Уэнсдей пресекла поток её возмущений ледяным взглядом.

— Энид, мне нужно, чтобы ты говорила. Много. О чем угодно. Заполни тишину своим летом, иначе я начну слышать, как тикают мысли Блэка, — приказала Уэнсдей.

Энид, словно пытаясь заполнить мрачную тишину, которую создавала вокруг себя Уэнсдей, заговорила со скоростью пулемета.

— О, Уэнсдей, ты не представляешь, какое это было лето! — Энид едва не подпрыгивала, размахивая руками, её разноцветные ногти мелькали в полумраке коридора. — Аякс приезжал ко мне на целую неделю! Мама была в ужасе, она всё время проверяла, не превратился ли он в камень прямо в гостевой спальне. Но всё было так романтично... Мы даже устроили пикник под луной. Он стал гораздо увереннее, представляешь? И в этом году я планирую, что «Белладонна» станет не просто секретным обществом, а настоящим сердцем школы! Мы устроим вечеринки, мы объединим всех изгоев... Ты же мне поможешь? Ну, хотя бы не будешь мешать?

Как только они переступили порог столовой, гул сотен голосов мгновенно изменил тональность. Шепот пополз по залу, как змея по сухой траве. — Гляди, это они... — донеслось со стороны стола сирен. — Те самые, что уложили Хайда и Крэкстоуна... — вторили им вампиры. Ученики провожали их взглядами, полными благоговейного страха и любопытства. Статус «героев школы» висел на плечах Уэнсдей как тяжелый склеп, который она была бы рада заколотить.

Но за столом «Белладонны» царила иная атмосфера. Здесь не было восхищения — только густое, липкое напряжение. Бьянка сидела, скрестив руки на груди, её глаза-льдинки были прикованы к Александру. Кент и Дивина обменивались короткими тревожными взглядами, то и дело поглядывая на свои телефоны. Уведомление о вступлении Блэка в чат *Belladonna_Secret* превратило их закрытый клуб в прозрачный аквариум, за которым теперь наблюдал хищник.

Ксавьер сидел рядом с Александром, и расстояние между ними казалось наэлектризованным. Ксавьер с таким остервенением кромсал ножом кусок мяса, будто это была шея соседа. Александр же сохранял пугающее спокойствие; он медленно пил чай, и в каждом его движении сквозило торжество хозяина положения.

В углу Уэнсдей заметила Пагсли и Юджина. Два изгоя, они нашли друг друга: Пагсли что-то увлеченно объяснял, чертя вилкой по скатерти схему, а Юджин с явным востор-

гом кивал, поправляя очки.

Энид, следуя плану, приземлилась рядом с Аяксом, звонко поцеловав его в щеку. Горгона густо покраснел, спрятав лицо в тарелке.

Внезапно тяжелые дубовые двери столовой распахнулись. В зал вошла Йоко Танака. Она шла развязной походкой, но всё внимание было приковано к её спутнице.

Анна Вайт.

Она была похожа на фарфоровую статуэтку, ожившую в руках безумного мастера. Форма Невермора сидела на ней так, будто была создана из самого ночного эфира. Её кожа была пугающе бледной, почти прозрачной, а белые волосы струились по плечам, напоминая застывший водопад. В её чертах не было ничего отталкивающего — напротив, она излучала тепло и странную, притягательную чистоту, которая казалась здесь, в мрачном зале, чем-то инородным. Она была прекрасна той опасной красотой, которая заставляет путников идти на свет болотных огней.

— Народ, внимание! — громко объявила Йоко, подводя Анну к столу. — Это Анна. Она с Севера, и я решила, что ей нужно наше общество.

Уэнсдей замерла, впившись взглядом в Александра. Она не видела улыбки Анны в кабинете директора, но теперь, глядя на них двоих, она кожей чувствовала обман.

Александр медленно поднялся. Его выправка была безупречна, как у дуэлянта перед выстрелом. Он вежливо скло-

нил голову, и на его лице расцвела ослепительная, идеально выверенная улыбка.

— Добро пожаловать в нашу скромную обитель, мисс Вайт, — произнес он. Его голос обволакивал, как дорогой бархат. — Должен признать, Йоко права. Ваше присутствие добавляет этому залу того света, которого нам так не хватало после заката. Вы выглядите... безусловно.

Анна посмотрела на него в упор. Её взгляд был прямым и глубоким, в нем не было ни капли той тени, что мелькнула у ворот. Она ответила ему такой же вежливой, лучезарной и абсолютно пустой улыбкой.

— Благодарю за столь лестный прием, мистер Блэк, — её голос был чистым, как звон хрусталя. — Надеюсь, я не сильно нарушу ваш... сложившийся порядок.

За столом воцарилась тишина, которую можно было резать ножом. Бьянка Барклай едва заметно прищурилась, переводя взгляд с одного «идеального» лица на другое. Уэнсдей же чувствовала, как внутри всё сжимается от ярости. Они стояли друг против друга — два мастера маскировки, чья взаимная вежливость была лишь способом удержать палец на спусковом крючке. Их «чистота» была фальшивкой, за которой скрывалась бездна, и Уэнсдей была единственной, кто это видел.

Маскарад безупречности

Анна Вайт вписалась в компанию «Белладонны» с пугающей легкостью. Она сидела, чуть подавшись вперед, и с

неподдельным восторгом слушала рассказы ребят. Оказалось, она приехала из небольшого северного поселения, затерянного среди фьордов.

— Там так холодно, что даже мысли замерзают, не успев вылететь из головы, — весело смеялась она, и её смех колокольчиком рассыпался по залу. — Поэтому в Неверморе мне кажется, что я попала в тропики!

Александр Блэк вел себя как идеальный джентльмен и душа компании. Он непринужденно поддерживал разговор, вставлял остроумные замечания и улыбался именно тогда, когда этого требовал этикет. Он выглядел абсолютно расслабленным, словно не он час назад взломал секретный чат и не он был причиной летних кошмаров Уэнсдей.

Уэнсдей сидела неподвижно, её пальцы на вилке побелели. Она видела этот идеально отрепетированный спектакль. Каждая улыбка Блэка, каждый восторженный вздох Анны — всё это было слишком безупречно, чтобы быть правдой.

— Уэнсдей, — Анна внезапно повернулась к ней, её глаза сияли. По эмоциональному фону она сейчас напоминала Энид в её лучшие (или худшие, с точки зрения Уэнсдей) моменты. — Расскажи, как ты это сделала? Весь Север гудит о том, как ты одолела Крэкстоуна. Каково это — стоять лицом к лицу с ожившим проклятием? Это было страшно или ты сразу знала, куда бить?

За столом воцарилась тишина. Бьянка, Ксавьер и остальные замерли, ожидая ответа.

— Я не испытываю страха перед историческим мусором,
— ледяным тоном ответила Уэнсдей. — Я лишь очистила территорию от того, что должно было сгнить еще три столетия назад.

— Потрясающе! — выдохнула Анна, искренне восхищенная. — Такая выдержка... Я бы, наверное, просто превратилась в ледяную статую от ужаса.

В этот момент Вещь, который до этого скромно сидел под столом, решил выбраться и проверить, не осталось ли на тарелке Уэнсдей чего-нибудь интересного. Он ловко запрыгнул на край стола, перебирая пальцами по скатерти.

Энид втянула воздух, ожидая криков или обморока, но Анна лишь всплеснула руками. — О! — она с нежностью посмотрела на руку. — Какой миленький Аддамс! У него такие аккуратные швы... Можно?

Она протянула тонкий палец и легонько погладила Вещь по фаланге. Вещь, явно сбитый с толку таким приемом, замер, а затем озадаченно пошевелил пальцами в ответ. Уэнсдей почувствовала, что её сейчас стошнит радугой. Слово «миленький» в отношении их семьи звучало как смертный приговор.

Но ужин не успел закончиться мирно.

В углу столовой, где Юджин и Пагсли о чем-то увлеченно спорили, нарастало странное жужжание.

— Смотри, Юджин, — донесся голос Пагсли, полный научного азарта. — Если соединить клеммы здесь, импульс бу-

дет не просто громким, он будет... убедительным.

ГРААА-ХХХ!

Оглушительный взрыв сотряс стены столовой. Огромное облако густого серого дыма с запахом серы и жженой карамели мгновенно накрыло соседние столы. Послышался звон разбитой посуды и крики испуганных вампиров.

Когда дым начал немного рассеиваться, все увидели Пагсли и Юджина — оба были покрыты тонким слоем сажи, их волосы стояли дыбом, но на лицах сияли абсолютно одинаковые, восторженные улыбки.

— Упс, — невозмутимо произнес Пагсли, вытирая лицо рукавом. — Кажется, конденсатор был лишним.

Директор Уимс медленно поднялась со своего места. Её лицо не предвещало ничего хорошего.

Уэнсдей перевела взгляд на Александра и Анну. Они оба сидели так же безупречно, как и до взрыва. Ни одна капля соуса не упала на их форму, ни один волосок не выбился из прически. Они переглянулись — на долю секунды — и в этом взгляде Уэнсдей наконец увидела то, что искала: холодную, расчетливую оценку ситуации.

Цифровой парадокс и тени в каретке

Уэнсдей и Энид вернулись в «Офелия-холл» в тягостном молчании. Энид всё еще оттирала с розового рукава пятнышко сажи — «подарок» от эксперимента Пагсли, — а Уэнсдей шла так быстро, что её косы едва не свистели в воздухе.

Как только дверь в комнату захлопнулась, Уэнсдей резко

повернулась к Вещи, который уже ждал её на столе, нервно перебирая пальцами.

— Говори, — приказала она. — Каждое слово, каждый жест. Что они обсуждали в кабинете Уимс, пока я была занята выслушиванием басен Блэка?

Вещь начал стремительно жестикулировать. Он описал обстановку, холодность Уимс и то, как Анна Вайт вошла в роль невинной овечки. Но когда он дошел до момента появления Гомеса и Мортиши, его движения стали более медленными. Он показал, как Гомес кружил вокруг Анны, как Мортиша сравнивала её чистоту с «изысканной трагедией» и как оба родителя признали её идеальное сходство с Александром.

— «Поразительная чистота»? — Уэнсдей повторила слова матери, и её голос прозвучал как хруст кости. — Они сравнивали их? Считали их одинаково безупречными?

Она со свистом выдохнула и отвернулась к окну. Вещь виновато опустил указательный палец. Уэнсдей чувствовала, как внутри всё сжимается. Её родители купились на эту театральную постановку. Или, что еще хуже, они видели что-то, чего не видела она.

— Это возмутительно, — прошипела она. — Видимо, белизна Анны Вайт просто ослепила их.

Тем временем на другой половине комнаты Энид полностью выпала из реальности. Она растянулась на своей яркой кровати, уткнувшись в телефон. Её лицо подсвечивалось ро-

зовым экраном, а на губах блуждала мечтательная улыбка.

— Ого, Уэнсдей, ты только посмотри, что Аякс пишет!
— Энид хихикнула. — Он говорит, что после взрыва Паггли все в мужском корпусе только и обсуждают, что твоя семья — это «ходячий хаос». Я ответила, что сплю с открытым глазом!

Уэнсдей даже не повернула головы. — Энид, твой цифровой флирт сейчас неуместен. Блэк в вашем чате. Он видит всё.

— Ой, да ладно тебе! — Энид на мгновение оторвалась от переписки. — Блэк молчит. Ксавьер написал, что Александр сейчас распаковывает винил и делает вид, что нас не существует. Может, он просто странный аристократ, который хочет вписаться?

Уэнсдей медленно повернулась к подруге. Её глаза были холодными. — Он не хочет вписаться, Энид. Он хочет, чтобы мы расслабились. А Анна Вайт... она — идеальный белый шум. Чистота не бывает естественной. И я соскребу эту белизну, даже если мне придется использовать скальпель.

Уэнсдей подошла к своей печатной машинке и резко вставила чистый лист, собираясь выпустить поток мыслей на бумагу. Но не успела она ударить по клавишам, как тишину разорвал вскрик.

Энид подпрыгнула на кровати, выронив телефон. Тот глухо ударился о ковер, но она даже не заметила этого. Она смотрела на Уэнсдей широко раскрытыми, полными внезап-

ного осознания глазами.

— Уэнсдей... — голос Энид сорвался на шепот. Она начала нервно оглядываться по сторонам, будто стены комнаты могли их подслушивать. — Подожди. Ты сказала... инициалы «А. В.». На том листке в июне. «КОНЕЦ? А. В.».

Она сглотнула, её лицо побледнело. — Но «А. В.»... это же Анна Вайт! Но... — Энид задрожала, — Уэнсдей, её же не было в прошлом учебном году! Она приехала только сегодня, мы все это видели! Она никак не могла оставить тебе это послание в июне. Её физически здесь не было!

Уэнсдей замерла, её пальцы зависли над клавишами «Q» и «W». В комнате повисла такая мертвая тишина, что было слышно, как бьется сердце Энид.

Логическая ловушка захлопнулась. Если Анна — это «А. В.», значит, она была в Неверморе задолго до своего официального перевода. Или кто-то другой играл её именем еще три месяца назад.

Глава: В тени ночных лепестков

Осознание, брошенное Энид в тишине «Офелия-холл», застыло в воздухе липким, невидимым туманом. Уэнсдей смотрела на свои пальцы, замершие над клавишами печатной машинки. «А. В.». Анна Вайт. Имя, которое не должно было существовать в стенах Невермора три месяца назад, теперь жгло бумагу невидимым пламенем.

— Время теорий исчерпано, Энид, — чеканно произнесла Уэнсдей. Её голос прозвучал как удар метронома в пустом

склепе. — Пора переходить к анатомии. Собирайся. Полночь требует присутствия.

Путь к тайному залу библиотеки пролегал через коридоры, затянутые паутиной теней. Потайной спуск встретил их запахом вековой пыли и холодного камня. Подземелье «Белладонны» в этот час выглядело особенно зловеще: факелы в кованых держателях нервно подрагивали, бросая на грубые стены длинные, ломаные тени, которые казались живыми участниками собрания.

В центре зала, за массивным дубовым столом, испещренным шрамами от ножей, уже собрался костяк общества. Бьянка Барклей стояла, оперевшись на край стола; свет пламени золотил её сиреневую чешую на шее. Йоко, скрытая за темными очками, лениво перебирала карты, но её бледные пальцы двигались слишком резко. Кент и Дивина застыли в тени колонн, а Аякс нервно крутил в руках край своей шапки.

Последним в круг света вошел Ксавье. Его лицо казалось высеченным из мела. Он был один. Все головы синхронно повернулись к нему, ожидая увидеть за его спиной высокую фигуру, но дверной проем оставался пуст.

— А где твой новый теневой напарник? — с нескрываемым ядом спросила Бьянка. — Мы полагали, что «Темный Принц» теперь сопровождает тебя даже в самых интимных кошмарах.

Ксавье не успел ответить. Тишину подземелья разорвал

многоголосый, сухой хор вибраций. Телефоны в карманах «беладонцев» одновременно ожили, как испуганные насекомые. Энид с дрожью выхватила свой смартфон.

— Это... сообщение в «Belladonna Secret», — прошептала она. — От Александра.

На дисплее высветилось:

«Даю вам возможность пообсуждать меня без моего участия».

Следом вспыхнуло системное уведомление:

«Пользователь Александр Блэк изменил имя на: Темный Принц Невермора».

— Он?.. — Энид едва сдерживала слезы, её лицо подсвечивалось мертвенным неоновым экраном. — Только я... только в закрытом чате этим летом, я в шутку использовала это имя. Это значит, он знает всё, о чем мы переписывались! Каждое слово...

— Он не в мыслях, Энид. Он в системе, которую вы сами создали, — холодно отозвалась Уэнсдей. Она вышла в центр круга, и её тень накрыла стол, погасив блеск в глазах Бьянки.

Бьянка раздраженно тряхнула головой, пытаясь сбросить оцепенение. — Довольно мистики. Йоко, ты делишь комнату с этой девицей. Анна Вайт — она такая же «стерильная» аномалия, как и Блэк?

Йоко поправила очки, её голос звучал отстраненно: — Она на удивление... обычная. Светлая, добрая. Помогла мне разобрать вещи, угостила травяным чаем. Если она и скры-

вает под кроватью скелеты, то они, должно быть, тщательно вымыты.

— Обычная? — голос Уэнсдей прозвучал как удар хирургического скальпеля о цинковый стол. — В этом мире нет ничего «обычного», что носило бы имя Анны Вайт.

Уэнсдей обвела присутствующих взглядом патологоанатома.

— В мой последний день в школе, в июне, я видела на пальце Александра Блэка перстень: кованый терновый венец и буква «V». И в тот же самый час в каретке моей печатной машинки материализовалась записка: «КОНЕЦ? А. В.». Летом, когда он без приглашения ворвался в тишину нашего поместья, кольцо исчезло. Он стирал улики. Но сегодня... сегодня их маски разбились.

Она сделала паузу, и в этой тишине отчетливо было слышно, как в глубине подземелья падает капля воды.

— Когда они встретились на ступенях, воздух между ними стал плотным, как формалин. Я видела, как безупречный аристократизм Блэка осыпался пылью. Его зрачки выдали шок, который не скрыть ни за какими манерами. А Анна... она выглядела как осужденный, встретивший своего палача. Это не знакомство двух новеньких. Это воссоединение двух призраков, которые когда-то сожгли свой мир дотла.

Ксавье подошел ближе. — И каков наш план?

— Мы разделимся, — произнесла Уэнсдей, глядя в темноту коридора. — Вы продолжите изображать общество «Бел-

ладонны» и понаблюдаете за Анной. Её «доброта» — это тонкая корка льда на глубоком омуте. Изучайте трещины. А я... я попробую реанимировать свои видения. Если Блэк заблокировал мне путь к будущему, значит, я найду способ прорваться к его прошлому.

Она развернулась и пошла прочь из зала. Тень Уэнсдей скользила по камням, медленно растворяясь в непроглядном мраке подземелья.

Глава: Чёрный ритуал и цифровой занавес

Вернувшись в «Офелия-холл», Энид не стала включать свет. Розовое сияние её смартфона в темноте комнаты казалось тревожным сигналом бедствия. Она сидела на кровати, поджав ноги, и её пальцы лихорадочно летали по экрану.

— Я должна это убрать, Уэнсдей... — бормотала она, и её голос дрожал от подступающей истерики. — Если он видит это сейчас, он увидит и то, что я писала в июле. Весь этот бред про «Принца»... Это слишком личное. Слишком уни- зительно.

Энид быстро прокручивала бесконечную ленту чата, пока не нашла те самые сообщения. Вот оно. Июль, три часа ночи, её признания о том, как загадочно выглядит Блэк на тех немногих фото, что ей удалось найти. Она зажала пальцем сообщение, ожидая привычное меню, но вместо кнопки «Удалить» на экране возникло системное окно, холодное и серое:

«Действие заблокировано администратором сервера».

— Что?.. — Энид попробовала еще раз. Затем другое сообщение. Результат был тот же. — Уэнсдей! Он закрыл доступ. Я не могу удалить ни одного слова! Он... он словно зацементировал эту переписку. Теперь это не чат, это досье.

Уэнсдей не ответила. Она даже не повернулась. В центре комнаты, на свободном от пестрых ковров участке пола, она методично расставляла тяжелые черные свечи. Вещь помогал ей, ловко перебегая от одной свечи к другой и выравнивая их по идеальному кругу. Запах застывшего воска и горькой полыни начал вытеснять привычный аромат девичьей комнаты.

— Оставь технику в покое, Энид, — глухо произнесла Уэнсдей. — Ты пытаешься стереть следы на песке, когда за тобой наблюдают со спутника. Это бессмысленно.

Уэнсдей села в центр круга, скрестив ноги. В её руках был тот самый клочок бумаги из печатной машинки: «КОНЕЦ? А. В.». Бумага была сухой и желтоватой, как кожа мертвеца. Она закрыла глаза, стараясь вызвать внутри ту самую искру, которая обычно бросала её в пучину видений.

Она вызвала в памяти образ перстня: терновый венец, впивающийся в металл. Затем — лицо Александра, его сузившиеся зрачки на ступенях Невермора. И, наконец, Анну. Её белизну, её «обреченную покорность». Уэнсдей заставила себя прочувствовать тот электрический разряд, что прошел между ними

Она ждала удара. Ждала, что реальность расколется, об-

нажая прошлое.

Прошла минута. Пять минут. Свечи горели ровно, их пламя даже не колыхалось. Пустота. Глухая, издевательская тишина внутри сознания.

— Ничего, — прошептала Уэнсдей, и в её голосе впервые прорезалась нотка истинного отчаяния. — Мои видения... они не просто молчат. Они словно наткнулись на стену.

— Уэнсдей? — голос Энид прозвучал странно, в нем не было привычной суетливости, только чистый, первобытный страх.

Уэнсдей медленно открыла глаза. Она всё ещё сидела в кругу свечей, сжимая записку.

— Что такое, Энид? Я же сказала — ритуал не сработал.

— Твое лицо... — Энид медленно сползла с кровати, указывая дрожащим пальцем на подругу. — Уэнсдей, что это у тебя на лице?

Уэнсдей нахмурилась и коснулась щеки. Пальцы ощутили странную, неестественную влагу. Она поднесла руку к свету свечи. Жидкость была густой, вязкой и абсолютно черной, как типографская краска или старая кровь.

Из её глаз, не переставая, медленно стекали две угольно-черные струи. Это не были слезы боли или печали. Это была тьма, которая не нашла выхода в видении и теперь просачивалась сквозь неё, отравляя саму оболочку.

— Похоже, — произнесла Уэнсдей, глядя на свои испачканные пальцы с пугающим спокойствием, — Блэк не про-

сто заблокировал чат. Он заблокировал меня.

Черные слезы продолжали капать на записку «КОНЕЦ?», медленно растворяя буквы «А. В.».

Глава: Искусство быть безупречной

Сентябрь в Неверморе окончательно сбросил маску гостеприимства. Утро встретило учеников низким, свинцовым небом, которое, казалось, цеплялось за острые шпильки академии. Мелкий, колючий дождь превратил внутренний двор в лабиринт из луж и скользкой гальки. Воздух в коридорах стал тяжелым, пахнущим сырým камнем и старым деревом, а сквозняки гуляли под сводами, заставляя пламя факелов в нишах испуганно дрожать.

Для Уэнсдей это утро началось с запаха гари и привкуса железа на губах. Ночные черные слезы оставили едва заметные, темные ореолы вокруг глаз, которые она не стала скрывать — они лишь подчеркивали её мертвенную бледность. Школьная рутина поглотила академию, но в этой рутине Анна Вайт сияла, как инородное тело.

На Ботанике, в душной оранжерее, где капли дождя оглушительно барабанили по стеклянному куполу, атмосфера изменилась. После исчезновения мисс Торнхилл кафедру занял новый профессор — доктор Сильванус. Это был сухой, невероятно высокий мужчина с кожей, напоминающей кору старого вяза, и тонкими, вечно испачканными в земле пальцами. Он не любил лишних слов, предпочитая слушать шелест листьев, а не болтовню учеников.

Пока остальные ребята с опаской обходили стороной плюющуюся кактусовую лозу, Анна подошла к ней и мягко коснулась колючего стебля. Растение, обычно готовое откусить палец любому, внезапно затихло и почти ласково обвилось вокруг её запястья. Даже доктор Сильванус оторвался от своих записей, одобрительно приподняв кустистую бровь.

— Им просто не хватает немного внимания, — лучезарно улыбнулась Анна профессору, поглаживая ядовитые шипы так, словно это была шерсть котенка.

Уэнсдей, стоявшая у соседнего верстака, наблюдала за этим через пелену усталости. Её собственные руки всё еще подрагивали после ночного ритуала, а внутри зияла пустота — её дар молчал. Она видела, как Анна ловко орудует садовыми ножницами. Её движения были выверенными, артистичными. Она словно знала анатомию каждого сорняка в этом зале. Или, что вероятнее, она знала, как заставить их подчиняться.

На перемене в коридорах Анна стала центром притяжения. Она не просто влилась в коллектив — она его возглавила, не прилагая к этому никаких усилий. Энид буквально светила рядом с ней, полностью забыв о ночном ужасе с заблокированным чатом. Магия присутствия Анны действовала на оборотня как успокоительное.

Они шли под руку, и их смех колокольчиком разлетался по мрачным сводам.

— ...И тогда Аякс просто окаменел от неловкости! — хи-

хикала Энид, активно жестикулируя. — Представляешь, он пытался приготовить мне сюрприз, но в итоге перепутал специи!

— О, это так мило, Энид, — Анна сочувственно сжала её ладонь. Голос её был мягким, как бархат, и в нем не было ни капли той ледяной тоски, которую Уэнсдей видела на ступенях. — Мужчины такие неуклюжие, когда пытаются быть романтиками. Но ведь именно за это мы их и ценим, правда? Кстати, этот оттенок лака просто идеально подчеркивает твой темперамент.

Уэнсдей, идущая в паре шагов позади, чувствовала, как её скулы сводит от этой патоки. Анна знала всё: последние сплетни о сиренах, тонкости отношений оборотней и даже то, какой парфюм предпочитает Йоко. Она была «своей» для каждого. Идеальный фасад, за которым не было видно ни одной трещины.

Но Уэнсдей помнила черные слезы на своих щеках. Она знала, что за этой «безупречностью» скрывается нечто, способное сломать самую суть провидца.

Внезапно Анна остановилась и обернулась. Её взгляд встретился со взглядом Уэнсдей. На секунду маска доброты соскользнула, обнажая ту самую «обреченную покорность», а затем Анна сделала шаг к Аддамс.

— Уэнсдей, дорогая, — тихо произнесла она, так, чтобы Энид не слышала. — Ты выглядишь... неважно. Плохо спалось? Знаешь, иногда ночные тени оставляют слишком глу-

бокие следы. Не стоит пытаться смотреть туда, где свет уже выгорел.

Она протянула руку, словно хотела коснуться плеча Уэнсдей, но та резко отступила.

— Мои тени — это моя забота, Вайт, — прошипела Уэнсдей. — Лучше следи за своими. Твой «белый шум» начинает давать помехи.

Анна лишь загадочно улыбнулась и, вновь подхватив Энид под руку, скрылась в толпе учеников, оставив Уэнсдей в окружении холодного сквозняка и запаха травяного чая, который теперь казался ей запахом опасности.

Глава: Шахматы на задних партах

В классе Истории Изгоев стояла сонная, давящая духота. Тяжелые шторы были задернуты, чтобы отсечь серый шум дождя, и в полумраке кабинета скрип перьев напоминал копошение насекомых под корой старого дерева. Где-то на задних рядах приглушенно перешептывались сирены, их голоса сливались в монотонный гул, усыпляющий бдительность.

Уэнсдей сидела за своей партой, прямая и неподвижная, словно надгробный памятник. Ночные черные слезы оставили после себя жжение в уголках глаз, и каждый звук казался ей слишком резким. Рядом с ней, нарушая её личное пространство, устроилась Анна. От неё исходил аромат ледяной мяты и чего-то приторно-сладкого — запах, который Уэнсдей теперь ассоциировала с опасностью более явной, чем яд мандрагоры.

Двери класса открылись без единого скрипа, впус­тив струю холодного, влажного воздуха. Вошел Александр Блэк. Капли дождя на его темных плечах блес­тели в свете ламп, как рассыпанные алмазы. Он выглядел, как всегда, безупречно: идеально выглаженная форма, уверенный, почти хищный взгляд. Проходя к своему месту, он одаривал девушек, которые провожали его восторженными вздохами, мягкой, едва уловимой улыбкой. Эта улыбка была его главным ору­жием — от неё ученицы начинали краснеть и прятать глаза, не замечая льда в глубине его зрачков. Блэк сел в тени задних рядов, мгновенно растворившись в интерьере, но Уэнсдей кожей чувствовала его взгляд, направленный в затылок.

Анна наклонилась к Уэнсдей, понизив голос до доверительного шепота. В этом движении было столько фальшивой близости, что Уэнсдей едва подавила желание достать нож.

— Знаешь, Уэнсдей, я слышала, ты не очень жалуешь новичков, — произнесла Анна, и её голос был подобен шелку, скользящему по лезвию. — Но я правда хочу, чтобы мы поладили. Энид столько о тебе рассказывала... Ты кажешься мне такой глубокой. Как озеро, скованное льдом.

Уэнсдей медленно, с механической точностью повернула к ней голову. Её глаза, всё еще воспаленные после ритуала, были похожи на два черных провала.

— Озера, скованные льдом, часто скрывают трупы тех, кто пытался проверить их глубину, Анна, — ответила она голосом, лишенным интонаций.

Анна ни на секунду не смутилась. Напротив, она мягко рассмеялась, и этот смех был полон такого искреннего дружелюбия, что оно само по себе казалось извращением.

— Остроумно. Александр... он тоже кажется мне человеком со специфическим вкусом. Наверное, в этой школе только вы двое по-настоящему выделяетесь из толпы.

— Ты едва его знаешь, — отрезала Уэнсдей, чувствуя, как внутри ворочается холодное подозрение. Анна упомянула его так легко, словно они не пытались уничтожить друг друга взглядами на ступенях.

— Иногда достаточно одного взгляда, чтобы понять масштаб личности, — Анна улыбнулась еще шире, и в её взгляде на миг блеснул острый интеллект, который она так тщательно прятала за разговорами о лаках и парфюме. — Мы ведь обе понимаем, что этот учебный год не будет скучным, не так ли? У каждого из нас есть свои секреты, Уэнсдей. И свои... методы их хранения.

В этот момент учитель постучал по столу, призывая к тишине, и класс погрузился в лекцию о восстаниях девятнадцатого века. Но Уэнсдей уже не слушала. Она знала: Анна Вайт начала свою игру. И первый ход был сделан не на доске, а прямо здесь, в зоне её досягаемости.

Глава: Вкус стерильного холода

Звонок с урока Истории Изгоев прозвучал как избавление. Уэнсдей первой покинула класс, не дожидаясь, пока Ан-

на снова попытается затянуть её в сети своих «искренних» бесед. Тяжелые дубовые двери столовой распахнулись, впуская её в гул сотен голосов. Шум отражался от высоких готических сводов, сливаясь в монотонный гул, который Уэнсдей обычно находила терпимым лишь в малых дозах. Сегодня же он казался ей особенно навязчивым, словно белый шум, призванный скрыть нечто важное.

За длинным столом «Белладонны» сегодня был полный сбор. Бьянка с непроницаемым видом королевы что-то холодно выговаривала Кенту, который виновато ковырял вилкой салат. Дивина и Йоко о чем-то негромко переговаривались, время от времени бросая короткие, оценивающие взгляды на Анну. Последняя сидела между Энид и Аяксом; Энид увлеченно показывала ей что-то в телефоне, а Аякс, судя по его расслабленной позе, уже вполне привык к присутствию новой «солнечной» подруги. Ксавье сидел чуть в отдалении, выглядя еще более бледным, чем утром — его кисти рук были испачканы углем, а взгляд блуждал где-то вне этого зала.

А в центре этого круга, словно неподвижная ось вращения, замер Александр Блэк. Он смотрел в свою чашку чая с видом скучающего божества, полностью игнорируя суету вокруг. От него веяло таким спокойствием, что казалось, пространство вокруг его стула замерзло.

Уэнсдей не торопилась занимать свое место. Она плавно, словно тень, свернула к дальнему углу, где за малень-

ким круглым столиком обосновались Пагсли и Юджин. После вчерашнего «перформанса» с конденсатором Директор Уимс назначила им неделю исправительных работ под надзором доктора Сильвануса. Оба выглядели слегка помятыми, с пятнами земли на форме, но в глазах у них горел огонь фанатичного исследования, который Уэнсдей знала слишком хорошо.

Они сидели, низко склонившись над тарелками, их губы едва шевелились, обмениваясь формулами смерти. — ...если использовать пыльцу плотоядного плюща вместо серы... — шептал Юджин, поправляя очки. — ...тогда детонация будет бесшумной, но липкой, — так же тихо отозвался Пагсли, не поднимая глаз от пюре.

Уэнсдей остановилась рядом, накрыв их заговорщическое собрание своей темной фигурой. Вещь на её плече настороженно приподнял указательный палец, сканируя зал.

— Надеюсь, ваша следующая демонстрация не превратит это крыло школы в пыль, — произнесла она вместо приветствия. — Мать будет разочарована, если ей пришлют Пагсли в почтовом конверте.

Брат вскинул на неё восторженный взгляд, а Юджин поправил очки, которые после работы в оранжерее постоянно сползали на кончик носа.

— Юджин, — тихо произнесла она, заставляя его отвлечься от схемы, которую он чертил на засаленной салфетке. — Давай вернемся к тому вечеру в лесу. Когда Хайд на тебя

напал.

Юджин вздрогнул. Шрам на его лице, оставленный когтями монстра, кажется, даже потемнел от воспоминаний. Пагсли перестал жевать, почуяв перемену в настроении сестры.

— Я помню Хайда, — глухо отозвался Юджин. — Его невозможно забыть. Тот запах гнили и рык... Но, Уэнсдей, перед тем как он прыгнул, произошло нечто странное. Лес словно вымер. Птицы замолчали одновременно. И туман... он не напозал, он просто возник из ниоткуда. Холодный, почти осязаемый.

Уэнсдей наклонилась ближе, её голос стал едва слышным шелестом. — Кроме Хайда. Ты видел кого-то еще? Тень? Человека, который стоял достаточно далеко, чтобы монстр его не тронул, но достаточно близко, чтобы наблюдать?

Юджин нахмурился, мучительно восстанавливая хронологию тех кровавых секунд. — Там был кто-то... Позже. Когда я уже не мог пошевелиться, а мир вокруг начал гаснуть. Я слышал шаги. Очень спокойные. Не бег медиков, не тяжелую походку Хайда. Кто-то подошел совсем близко. И этот запах...

— Какой запах, Юджин? — вкрадчиво спросила она.

— Стерильность. Знаешь, как пахнет в лаборатории, где нет ни пылинки? Очень чистый, химический холод. Этот кто-то просто стоял надо мной. Я не мог открыть глаза, но я чувствовал взгляд. Он был... тяжелым. А потом я провалился в темноту и очнулся уже в больнице спустя недели.

Уэнсдей медленно выпрямилась. Её взгляд невольно метнулся к центральному столу, где Александр Блэк всё так же изучал свой чай.

— Он наблюдал за твоей смертью, — заключила она. — Или проверял, насколько ты живуч.

— Если хочешь, мы можем испытать на нем «жужжащую артиллерию», — предложил Пагсли, его глаза хищно блеснули. — Юджин сказал, что пчелы могут нести не только заряды, но и маячки.

— Не сейчас, — отрезала Уэнсдей. — Александр Блэк чувствует чужое внимание кожей. Продолжайте свои «ботанические изыскания». Если нам повезет, Сильванус настолько увлечен своими корнями, что не заметит, как вы соберете в его оранжерее нечто по-настоящему взрывоопасное.

Она развернулась и направилась к столу «Белладонны». Анна заметила её приближение и радостно замахала рукой, приглашая сесть рядом, сияя своей безупречной, фарфоровой улыбкой. Уэнсдей шла, глядя прямо в затылок Александра Блэка. Она чувствовала, как «стерильный холод», о котором говорил Юджин, начинает заполнять и этот зал, превращая обед в препарирование реальности.

Глава: Кольцо из белого шелка

После обеда школа погрузилась в зыбкие сумерки вечерних дополнительных занятий. Уэнсдей, игнорируя шумные компании в коридорах, направилась к мастерской Ксавье. Дождь снаружи усилился, превращая замок в серую кре-

пость, отрезанную от остального мира стеной воды. Коридоры, ведущие к художественному крылу, казались бесконечными, а эхо её собственных шагов — слишком громким.

Она вошла в мастерскую бесшумно, словно сквозняк. Ксавье стоял перед огромным холстом, подсвеченным лишь парой тусклых ламп, чье мигание создавало иллюзию движения на полотне. Чёрный туман на картине казался живым, он клубился и выплескивался за края подрамника. Уэнсдей подошла ближе, всматриваясь в хаос мазков, которые так пугающе точно напоминали описание Юджина.

— Юджин видел это, Ксавье, — тихо произнесла она, и её голос утонул в шуме дождя за окном. — Тот же туман, тот же холод. И того, кто стоял в центре, наблюдая за его агонией.

Ксавье резко обернулся. Его лицо за день еще больше осунулось, а под глазами залегли такие глубокие тени, будто он сам пытался превратиться в один из своих эскизов.

— Я не могу это закончить, Уэнсдей. Каждый раз, когда я пытаюсь прорисовать лицо фигуры в центре, у меня ломаются кисти. Словно эта пустота... она обладает волей и не хочет, чтобы её видели. Блэк за стеной в нашей комнате просто сидит и молчит, но я чувствую, как его мысли просачиваются сквозь камни прямо в мои сны. Он препарирует моё сознание, Аддамс.

— Тогда перестань рисовать его мысли. Начни рисовать свои страхи, — посоветовала Уэнсдей, её взгляд скользнул по его дрожащим рукам. — Страх — более честный натур-

щик.

Она уже собиралась уходить, чувствуя, что мастерская перестала быть безопасным местом, когда тяжелая дверь со скрипом отворилась. Резкий сквозняк ворвался внутрь, заставив развешенные по стенам эскизы зашелестеть, словно крылья испуганных птиц.

В проеме стояла Анна Вайт. На ней был наброшен легкий кардиган поверх школьной формы, а в руках она сжимала новенький набор кистей и чистый альбом. В полумраке мастерской её белые волосы казались почти флуоресцирующими, создавая ореол вокруг головы. Она замерла, широко раскрыв глаза и прижав альбом к груди.

— Ой! — выдохнула она, и на её лице отразилось безупречно сыгранное замешательство, за которым последовала понимающая, чуть лукавая улыбка. — Простите! Я совсем не хотела помешать вашей... романтической встрече.

Ксавье густо покраснел и резко отступил от холста, едва не опрокинув банку со скипидаром. — Это не... мы просто... — начал он, запинаясь, но Анна мягко перебила его, сделав уверенный шаг внутрь.

— Всё в порядке, Ксавье. Я понимаю. Директор Уимс сказала, что мне нужно выбрать внеклассное занятие, и я подумала, что рисование — это самый прекрасный способ выразить душу. Она направила меня к тебе, сказала, что ты лучший художник в Неверморе.

Она прошла в центр комнаты, обводя взглядом хаотич-

ное нагромождение холстов. Уэнсдей стояла неподвижно, её взгляд был прикован к Анне. Она кожей чувствовала, что этот визит был спланирован так же тщательно, как и захват комнаты Александром.

— Какая... необычная атмосфера, — Анна остановилась перед картиной Ксавье, той самой, с черным туманом. Она долго всматривалась в него, и на мгновение её привычная маска «милой подруги» погасла, сменившись выражением глубокой, почти профессиональной оценки холодного хищника. — Столько тьмы в одном месте. Ксавье, это... сильно. Но разве тебе не хочется добавить сюда хоть немного света? Просто чтобы видеть, что именно ты пытаешься спрятать?

— Тьма самодостаточна, — ледяным тоном произнесла Уэнсдей, подходя ближе. — Ей не нужны декорации из солнечных лучей, чтобы быть реальной.

— Возможно, — Анна обернулась к ней, и её глаза в полумраке блеснули сталью. — Но в полной темноте легче всего потерять саму себя, Уэнсдей. Разве ты не боишься, что однажды туман перестанет быть просто краской на холсте и начнет диктовать тебе свои условия?

Она снова лучезарно улыбнулась и протянула Ксавье альбом. — Ну, так что, учитель? Найдется место для еще одной ученицы, или я действительно прервала нечто важное?

Ксавье посмотрел на Уэнсдей, ища поддержки, но та лишь молча развернулась к выходу. Она поняла ход Анны: та пришла не учиться. Она пришла оккупировать пространство,

лишить Уэнсдей возможности говорить с единственным союзником без свидетелей.

Уэнсдей вышла под проливной дождь, чувствуя, как холодные капли обжигают лицо, смешиваясь с остатками ночных черных слез. С одной стороны — Александр Блэк, захвативший быт Ксавье. С другой — Анна Вайт, вошедшая в его искусство.

Кольцо сжималось, и оно было цвета безупречного белого шелка.

Глава: Розовая логика и дефекты химии

Уэнсдей вошла в комнату в тот момент, когда дождь на улице окончательно потерял всякое приличие, превратившись в яростный шторм. С её черного пальто на пол стекали струйки ледяной воды, оставляя за ней след, похожий на чернильную дорожку. Лицо её напоминало посмертную маску — настолько оно было застывшим, бледным и хранящим отпечаток того бессилия, которое она испытала в мастерской.

Энид, как обычно, представляла собой полную противоположность этому готическому трауру. Она уютно устроилась на своей половине комнаты, лежа на животе и болтая ногами в пушистых носках. Подсветка её телефона отражалась в глазах, пока она быстро строчила очередное сообщение Аяксу. Увидев вошедшую подругу, Энид приподняла одну бровь, оценивая масштаб «мокрого бедствия».

— Ты выглядишь так, будто только что выкопала кого-то очень разочарованного своим воскрешением, — заметила

она, не отрываясь от экрана.

Уэнсдей проигнорировала шпильку, методично расстегивая пуговицы промокшего пальто. Её движения были резкими, почти механическими. Она подошла к своей «стене улик», где среди газетных вырезок уже красовались наброски Вещи и те самые, вызывающие зуд под кожей, инициалы «А. В.».

— Ситуация становится критической, — произнесла Уэнсдей, глядя на пустую карточку рядом с именем Александра Блэка. — Ксавье теряет рассудок. Его видения материализуются в виде густого черного тумана, который буквально пожирает его холсты. Он уверен, что Блэк не просто спит за стеной, а транслирует этот хаос ему прямо в мозг.

— Оу, бедный Ксавье... — Энид на мгновение оторвалась от телефона, в её голосе промелькнула мимолетная жалость. — Он всегда был слишком чувствительным.

— Это не чувствительность, это методичная психическая атака, — отрезала Уэнсдей. — Но это лишь часть проблемы. Только что в мастерскую явилась Анна Вайт. Она выбрала рисование как внеклассное занятие и буквально вломила туда, заявив, что не хочет мешать нашей «романтической встрече».

Уэнсдей сбросила пальто на спинку стула, её скулы остро очертились в тусклом свете ламп.

— Она метит территорию, Энид. Она лишила меня доступа к Ксавье как к источнику информации, превратив его сту-

дию в свой филиал «солнечного света». Это стратегический захват и изоляция свидетеля.

Энид медленно отложила телефон на подушку. Она присела на кровати, и на её лице медленно, как проявляющееся фото, расплылась хитрая, почти победная улыбка.

— Подожди... — Энид подалась вперед. — Дай мне это переварить. Ты пришла к Ксавье. Вы были там одни, в полумраке, среди красок и тайн... И тут входит Анна — красивая, милая, безупречная Анна — и застаёт вас двоих. И ты сейчас так... эм... интенсивно злишься на то, что она там осталась?

— Я злюсь на то, что мой единственный информатор теперь под её круглосуточным надзором! — вспыхнула Уэнсдей, чьи пальцы судорожно сжались в кулаки.

Энид издала протяжный, многозначительный звук «М-м-м-м», который Уэнсдей ненавидела больше, чем поп-музыку.

— Похоже, Уэнсдей Аддамс... ревнует? — Энид хихикнула, прикрыв рот ладошкой, её глаза заискрились азартом. — О мой бог, это оно! Ты ревнуешь Ксавье к Анне! Поэтому она тебя так бесит. Не потому что она «шпионка», а потому что она перехватила внимание твоего главного фаната!

Уэнсдей медленно повернулась к подруге. Если бы взглядом можно было расщеплять атомы на составляющие, от Энид осталось бы только розовое облако пыли.

— Твоя способность превращать серьезное расследование в дешевый любовный роман для домохозяек достойна

патологоанатомического исследования, Энид, — прошипела Уэнсдей. — Ревность — это химический дефект, свойственный слабым и неуравновешенным умам. Я говорю о безопасности школы и о том, что эти двое — Анна и Александр — ведут партию, правил которой мы не знаем.

— Ну конечно, конечно, — Энид снова схватила телефон, её пальцы зашевелились по экрану с удвоенной скоростью. — Так я и напишу Аяксу. «Уэнсдей в ярости, потому что новенькая переключила внимание художника на себя». Это же просто социальная бомба, Уэнсдей!

Уэнсдей со свистом выдохнула, подавляя желание запустить в телефон подруги чем-нибудь тяжелым. Она подошла к своей печатной машинке и с силой вставила чистый лист. Гулкий щелчок каретки прозвучал как выстрел.

— Пиши что хочешь. Но когда этот «солнечный свет» начнет выжигать тебе сетчатку, не надейся, что я предложу тебе повязку на глаза.

Она с силой ударила по клавишам, наполняя комнату агрессивным стрекотом. «Объект Анна Вайт: использует тактику социального доминирования для изоляции ключевых целей... Под подозрением: использование Ксавье Торпа в качестве ментального проводника для манипуляций Александра Блэка...»

Глава: Архитектура манипуляций

Прошла неделя, и Невермор, казалось, окончательно капитулировал перед очарованием Анны Вайт. Школьная ру-

тина вошла в ту стадию, когда даже самые странные вещи становятся привычными, впитываясь в камни академии. По утрам коридоры наполнялись запахом сырого камня и крепкого кофе, а за высокими готическими окнами кружил всё тот же бесконечный серый туман, скрывающий очертания леса.

Коридоры старого корпуса в этот час напоминали внутренности уснувшего чудовища: холодные, гулкие и пропитанные ароматом вековой пыли. Уэнсдей Аддамс передвигалась по ним с грацией призрака, чьи шаги не тревожили даже самую чуткую пыль на паркете. Её мысли, упорядоченные и острые, как хирургические инструменты, были сосредоточены на Анне Вайт. В биографии этой девушки зияли пустоты, которые Уэнсдей намеревалась заполнить, чего бы ей это ни стоило — даже если бы пришлось вскрыть саму реальность.

Путь привел её к массивной дубовой двери мастерской Ксавье Торпа. Дверь была слегка приоткрыта, выпуская в коридор тонкую полоску тусклого света, пахнущую разбавителем для красок и старой тревогой. Уэнсдей замерла, вжавшись в нишу стены. Её черное пальто слилось с густыми тенями, превращая её в невидимого, лишённого дыхания наблюдателя.

Изнутри донесся голос Ксавье — ломкий, пропитанный тем сортом беспокойства, которое обычно предшествует либо великому свершению, либо катастрофе.

— Ты уверена, что это сработает? — спросил он, и Уэн-

сдей услышала сухой шорох холста. — Она не из тех, кто ценит обычные жесты. Цветы, пустые разговоры... это для неё как белый шум. Она просто пройдет мимо, не заметив.

— Поверь мне, — отозвался мягкий, обволакивающий голос Анны. В её интонациях слышалась странная, почти материнская уверенность, от которой у Уэнсдей потяжелели веки. — Ей не нужны жесты, Ксавье. Ей нужна твоя внутренняя опора. Твоя непоколебимость. Если ты позволишь себе хотя бы тень колебания, она почувствует это, как акула чувствует кровь, и просто раздавит тебя.

Уэнсдей прищурилась в темноте. «Раздавит». Это определение ей почти понравилось — оно было точным, если бы не контекст, ускользающий от её понимания.

— Ты должен доказать ей, что ты — её достойный партнер, а не просто очередной фанат, застывший в немом восторге, — продолжала Анна. По звуку легких шагов Уэнсдей поняла, что девушка расхаживает по мастерской, изучая работы Ксавье. — Сила притягивает силу. Ты должен стать для неё загадкой, которую ей захочется разгадать, а не открытой книгой на скучном языке.

— Но Блэк... — в голосе Ксавье прорезалась глухая неприязнь, смешанная с бессилием. — Этот парень постоянно крутится рядом. Он как тень, которую невозможно прогнать. Он молчит, но его присутствие перекрывает кислород.

Наступила короткая пауза. Уэнсдей затаила дыхание, ощущая, как внутри зашевелилось холодное, колючее любо-

ПЫТСТВО.

— Забудь о Блэке, — голос Анны стал чуть суше, в нем промелькнул металл. — Александр — это стихия, с которой бесполезно бороться в лоб. Сосредоточься на ней. Только на ней. Я помогу тебе подобрать идеальный момент. Всё должно произойти так, чтобы у неё не осталось выбора, кроме как признать твою значимость.

Уэнсдей почувствовала, как по затылку пробежал знакомый холодок. «Подобрать момент», «не осталось выбора»... В её сознании, привыкшем искать во всём двойное дно, эти слова сложились в пугающую картину. Это не было похоже на дружеский совет. Это звучало как инструктаж перед захватом цели или планирование чего-то необратимого.

Она не видела лица Анны в этот миг, но могла поклясться, что та улыбается — той самой безупречной улыбкой, которая скрывает бездну. Уэнсдей не знала, что за стенами мастерской Анна Вайт всего лишь пытается вылепить из Ксавье того, кто сможет выдержать ледяной напор Аддамс. Для Уэнсдей это был сигнал к началу новой охоты.

Она бесшумно оттолкнулась от стены и исчезла в глубине коридора прежде, чем разговор внутри сменил тему. Если Анна Вайт решила играть в кукловода, она выбрала самого опасного зрителя в этом театре теней. И Уэнсдей не собиралась ждать, пока занавес поднимется.

Глава: Театр приманок

Тихо развернувшись и оставив позади мастерскую, напол-

ненную шепотами Анны, Уэнсдей направилась во внутренний двор. Ей нужно было вдохнуть холодного воздуха, очищенного от запаха разбавителей и чужих амбиций.

Там её уже ждала Энид. Дождь почти стих, превратившись в едва уловимую морось, оставив после себя лишь тяжелую влажность и запах прелой листвы, поднимающийся от старых камней. Они стояли у каменной балюстрады, когда из главного входа вышла та самая пара, чья динамика теперь напоминала Уэнсдей сложный механизм с невидимыми шестеренками.

Ксавье и Анна шли в сторону библиотеки. Ксавье нёс её альбом для рисования, и в его походке появилась забытая уверенность. Заметив Уэнсдей, он на мгновение замедлил шаг и тепло улыбнулся ей — не той виноватой, затравленной улыбкой, что раньше, а открыто и дружелюбно, как человек, который наконец нашел твердую почву под ногами.

— Привет, Уэнсдей! Энид! — кивнул он, проходя мимо.

Анна, шедшая рядом, грациозно поправила кардиган и тоже кивнула девочкам, сияя своей безупречной, фарфоровой улыбкой. В её облике не было ни капли того жесткого кукловода, которого Уэнсдей слышала за дверью мастерской всего несколько минут назад.

Но в этот самый момент, когда Ксавье увлеченно рассказывал Анне о какой-то новой технике грунтовки, Анна едва заметно повернула голову. На ступенях школы, прислонившись к массивной колонне, затененной выступом крыши,

стоял Александр Блэк. Он лениво листал старую книгу в потертом кожаном переплете, казалось, полностью погруженный в чтение.

Анна посмотрела прямо на него. Это был короткий, острый, почти вызывающий взгляд, лишенный всякого дружелюбия. В нём читалось холодное любопытство экспериментатора: «Ну и как долго ты сможешь сохранять это равнодушие? Заденет ли это тебя, Александр?» Она явно искала трещину в его безупречном фасаде, ждала вспышки ревности или хотя бы недовольного жеста, который подтвердил бы, что он всё ещё человек, а не ледяная статуя.

Блэк, почувствовав этот взгляд, медленно перелистнул страницу. Бумага сухо зашуршала в тишине двора. Он не поднял головы, не шевельнулся, но уголок его губ едва заметно дрогнул в тени. Он знал, что на него смотрят. Он знал, что Анна использует Ксавье как приманку, как живой щит или разменную монету. И он продолжал играть роль скучающего зрителя, доводя её этим до безмолвного, скрытого за улыбкой бешенства.

После этой безмолвной дуэли во дворе в воздухе Невермора словно натянулась невидимая струна. Уэнсдей чувствовала это кожей — то самое затишье, которое всегда предшествует удару молнии. Энид всё ещё что-то щебетала про «исцеление Ксавье» и про то, как «Анна хорошо на него влияет», но её голос доносился до Уэнсдей словно сквозь слой ваты.

Уэнсдей провожала взглядом уходящую пару, думая о том, что в этой школе стало слишком много декораций и слишком мало правды. Анна Вайт была белым шумом, за которым скрывался крик. Александр Блэк был пустотой, которая этот крик поглощала. А Ксавье... Ксавье был всего лишь холстом, на котором они оба пытались написать свою версию финала.

— Идем, Энид, — прервала она восторги подруги. — Наблюдать за чужой дрессировкой становится утомительно. Нам нужно подготовить собственные ловушки.

Школьная рутина следующих дней напоминала Уэнсдей медленное погружение в болото, затянутое ряской фальшивого благополучия. Анна Вайт окончательно оккупировала социальное пространство академии. Её смех слышался в каждом коридоре, её советы по ботанике обсуждали даже угрюмые оборотни, а Ксавье... Ксавье превратился в её личную тень, добровольно запертую в золоченой клетке её внимания.

Александр Блэк же оставался монолитом. Он появлялся на занятиях вовремя, его ответы были пугающе точными, а его молчание — абсолютным. Он больше не смотрел на Уэнсдей. Он просто присутствовал, как гравитация, незаметно, но неотвратимо подчиняя себе всё вокруг.

Для Уэнсдей эта тишина была невыносима. Её дар, её единственное оружие, был заблокирован «стерильным холодом», который теперь ощущался как физическая преграда

внутри её черепа.

Вечером четверга, когда небо над Невермором налилось цветом застарелого синяка, Уэнсдей снова начала приготовления.

— Ты с ума сошла, — прошептала Энид, наблюдая, как Уэнсдей расставляет на полу не свечи, а чаши с ледяной водой и солью, выстраивая геометрически выверенный контур. — Ты видела себя после прошлого раза? Твои глаза неделю были красными, а подушку пришлось сжечь, потому что чёрные пятна не отстирывались!

— Прошлый раз я пыталась постучать в дверь, — холодно отозвалась Уэнсдей, доставая из шкатулки старый, потемневший от времени аметист. — В этот раз я использую таран. Если Блэк установил блок, я пройду сквозь него, даже если мне придется выжечь собственные нервные окончания.

— Уэнсдей, пожалуйста, — Энид встала между ней и её импровизированным алтарем. В глазах оборотня застыли слезы. — Я чувствую это. Каждый раз, когда ты пытаешься «прорваться», ты словно бьешься головой о скалу. Прекрати, пока ты не сломала что-то внутри себя навсегда.

— Если я останусь слепой, я уже буду сломана, — Уэнсдей мягко, но непреклонно отодвинула подругу. — Садись на кровать и не прерывай круг. Чтобы ни случилось.

Она села в центр, сжав аметист в ладонях так сильно, что грани камня впились в кожу. Уэнсдей закрыла глаза и нырнула в собственную бездну.

На этот раз она не искала образы Анны или Александра. Она направила всю свою ментальную ярость, всё свое отчаяние в одну точку — в тот самый «белый шум», который теперь заменял ей пророческие видения. Она требовала отката реальности, она жаждала увидеть правду, скрытую за близной.

Удар пришел беззвучно.

Это не было видением. Это была стена абсолютного, вакуумного ничто. В ушах раздался оглушительный, на грани ультразвука, свист, от которого кровь застыла в жилах. Перед глазами вспыхнул ослепительно-белый, стерильный свет, лишенный теней. Уэнсдей почувствовала, как её сознание буквально вышвыривает из собственной головы, словно тело стало чужеродным объектом, не имеющим права на доступ к истине.

Она не увидела прошлого. Она не увидела лиц. Только бесконечную, ледяную пустоту, которая пожирала её дар секунду за секундой.

Мир вокруг стал серым и расплывчатым. Уэнсдей захлебнулась воздухом, её тело выгнулось дугой, а пальцы судорожно впились в доски пола, скребя дерево до крови. Когда она рухнула обратно, её грудь едва вздымалась.

— Уэнсдей! — вскрик Энид донесся до неё будто из-под толщи воды.

Уэнсдей попыталась подняться, но мир вращался в безумном ритме. Она чувствовала странную, тяжелую влагу, сте-

кающую по щекам. Она была гуще и теплее обычных слез. Она пахла старым металлом и печатной краской.

— О боже... — Энид упала перед ней на колени, закрыв рот руками.

Уэнсдей коснулась своего лица. Пальцы мгновенно стали угольно-черными. Из её глаз, не переставая, медленно и мучительно вытекали густые черные струи, пачкая пол и воротник школьной формы. Это были не слезы печали. Это была её собственная магия, которую некая внешняя сила превратила в гниль и заставила её тело отторгать.

— Ничего... — прохрипела Уэнсдей, глядя на свои почерневшие руки сквозь пелену. Каждое слово давалось ей с трудом, словно горло забило сажей. — Я ничего не увидела. Только белизну. Он... он не просто закрыл дверь. Он сжег мост.

— Это не мост, Уэнсдей! Это твои глаза! — Энид лихорадочно схватила полотенце, пыталась вытереть лицо подруги, но черные следы лишь размазывались, въедаясь в бледную кожу, как несмываемое клеймо позора.

Уэнсдей посмотрела в зеркало. Её взгляд был пустым, а по лицу бежали две глубокие траурные дорожки. Каждая попытка видения теперь превращалась в акт физического осквернения.

— Значит, зрение больше не мой инструмент, — прошептала она, и в её голосе, несмотря на слабость, прорезалась ледяная сталь. — Если Александр Блэк ослепил меня, я бу-

ду действовать на ощупь. И первое, чего я коснусь, будет его прошлое. Даже если мне придется искать его в могилах.

Глава: Траектория угрозы

Свинцовое небо Невермора сегодня напоминало надгробную плиту, придавившую верхушки вековых сосен. Туман, густой и липкий, выползал из леса, облизывая серыми языками мишени на стрельбище. Воздух застыл, пропитанный запахом хвои и сырого металла.

Уэнсдей шла по тропинке, ведущей к оранжереям, когда до её слуха донесся ритмичный, сухой треск — звук тетивы, рассекающей плотный воздух. Она замедлила шаг. Любопытство в её случае всегда было сродни инстинкту хищника. Свернув с тропы, она бесшумно скользнула в густое переплетение терновника. Шипы царапали черную ткань пальто, но она не шелохнулась, превратившись в неподвижное изваяние. После ночного фиаско с видением её глаза всё еще жгло, а под слоем пудры скрывались серые тени, но сейчас это не имело значения.

На огневом рубеже стояли двое. Александр Блэк напоминал тень, обретшую плотность. Каждое его движение было выверено до миллиметра, словно он не стрелял, а совершал мрачный ритуал. Ксавье рядом с ним выглядел воплощением хаоса: его плечи были напряжены, а взгляд метался от цели к напарнику.

— Ты слишком напрягаешь плечо, Торп, — голос Блэка прозвучал низко, почти сливаясь с рокотом ветра. — Тетива чувствует твой страх перед промахом. Стрельба — это капитуляция перед целью. Ты должен позволить стреле уйти, а не выталкивать её силой.

— Легко говорить тому, у кого вместо сердца — метроном, — огрызнулся Ксавье, опуская лук. — Не всем дано быть живым мертвецом без эмоций.

Блэк медленно повернул голову. Его глаза в тумане казались двумя ледяными провалами.

— Эмоции — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить, если хочешь быть рядом с такой, как Аддамс. Она не терпит слабости, Ксавьер. А твои чувства — это всего лишь шум, мешающий прицелиться.

Блэк снова поднял лук, натянул стрелу до самой щеки, но в последний момент замер. Его взгляд всё еще был прикован к мишени, когда он произнес:

— Уэнсдей Аддамс, выходи. Это неприлично для девушки — прятаться в колючих кустах и подслушивать чужие разговоры. К тому же, ты портишь хвою своего пальто.

Ксавье вздрогнул, резко оборачиваясь к зарослям. Из серой мглы вышла Уэнсдей. Она медленно отряхнула невидимую пыль с рукава, её лицо оставалось непроницаемым, как застывший воск.

— Приличия — это кандалы для тех, кому нечего скрывать, — холодно ответила она. — К тому же, я не подслуши-

вала. Я проводила аудит вашей некомпетентности. Ксавье, твой прицел сбит из-за избытка надежды. Это опасная патология.

Блэк наконец разжал пальцы, и стрела со свистом вонзилась точно в центр. Он повернулся к Уэнсдей с той самой вежливой, пустой улыбкой.

— И каков вердикт, мисс Аддамс? Моя «некомпетентность» соответствует вашим мрачным стандартам?

— Твоя точность избыточна, Блэк. Это наводит на мысли о том, что ты слишком долго тренировался убивать неодушевленные предметы. Или тех, кто не может дать отпор.

— Мир полон движущихся мишеней, Уэнсдей, — парировал он. — Я просто предпочитаю быть тем, кто выпускает стрелу, а не тем, кто её ждет. А ты, я вижу, предпочитаешь ждать в терновнике. Весьма... поэтично.

В этот момент за их спинами раздались легкие шаги. Анна появилась внезапно. В этом сером мире она выглядела как фарфоровая кукла, которую забыли в склепе: пугающе безупречная кожа и лук из светлого дерева в руках. Она подошла вплотную к Александру, почти игнорируя остальных.

— Александр, — её голос был мягким, как бархат. — Поможешь мне? Моя стрела вечно уходит влево. Покажешь, как правильно держать хват? У тебя это получается... завораживающе.

Блэк медленно опустил лук. Его улыбка не дрогнула, когда он посмотрел на неё — так смотрят на пыль, осевшую на

старинный фолиант.

— Я польщен твоим доверием, Анна, — произнес он с безукоризненным спокойствием. — Но мой метод тебе не подойдет. Я не учу. Я просто поражаю цель. Но вот Ксавье — он прекрасный учитель. У него гораздо больше терпения к чужим ошибкам.

Блэк закинул колчан за спину. — Развлекайтесь. У меня есть дела поважнее. Я обещал Юджину и Пагсли помочь с их проектом по энтомологии. Ваш брат, Уэнсдей, на удивление талантлив в вопросах... анатомии насекомых.

Уэнсдей почувствовала, как внутри неё что-то сжалось. Упоминание Пагсли было прямой угрозой. Блэк втирался в доверие к её семье. Александр прошел мимо Анны, даже не задев её, и скрылся в тумане.

— Уэнсдей, может, постреляешь с нами? — Ксавье сделал шаг к ней, но Уэнсдей смерила его и Анну ледяным взглядом.

— Не буду вам мешать, — отрезала она. — Кажется, вам двоим есть о чем поговорить. Геометрия чувств и траектория стрел — увлекательная тема для тех, у кого много лишнего времени.

— Он всегда такой... занятой? — неловко спросила Анна, оборачиваясь вслед Уэнсдей. — Знаешь, я давно хотела поговорить с тобой о...

— Избавь меня от своих попыток наладить контакт, Анна, — перебила её Уэнсдей, уже уходя. — У меня аллергия на

фальшивый интерес. И если Александр Блэк решит, что мой брат — удобная пешка в его игре, он обнаружит, что семейка Аддамс не играет по правилам.

Она зашагала прочь, чувствуя, как ярость придает её шагам чеканную твердость. Ей нужно было найти Пагсли прежде, чем Блэк научит его чему-то, что нельзя будет исправить.

Глава: Топливо для прошлого

Уэнсдей стремительно пересекала внутренний дворик. Её каблуки выбивали по камням чеканную дробь, напоминавшую телеграфный код о начале войны. В мыслях она уже составляла список допросов для Пагсли: ей нужно было выяснить, насколько глубоко Блэк запустил свои когти в её брата под предлогом «изучения насекомых». Она знала Александра достаточно, чтобы понимать: он ничего не делает просто так. Если он дарит внимание Пагсли, значит, он готовит почву для удара, который Уэнсдей не сможет парировать.

— Уэнсдей! Стой! Ты уже слышала?

Из-за угла, едва не сбив её с ног, вылетела Энид. Она была похожа на ходячий взрыв розового цвета: её берет сбился набок, а в руках она сжимала ярко-оранжевую листовку, которая в сером тумане казалась радиоактивной.

— Ты выглядишь так, будто планируешь массовое захоронение, — Энид притормозила, тяжело дыша. — Опять Ксавье? Или этот мрачный новенький испортил тебе утро?

— Моё утро было испорчено в момент моего рождения, Энид. А сейчас я просто спешу предотвратить семейную катастрофу, — холодно отозвалась Уэнсдей, пытаясь обойти подругу, чья энергия сегодня была чересчур навязчивой.

— погоди! Это важно. Директор Уимс только что вывесила объявление. В этом году Дня Единения не будет! — Энид замахала листовкой перед носом Уэнсдей. — Сказала, что после прошлогоднего... ну, ты помнишь, воскрешения Крекстоуна, город Джерико и школа решили сделать перерыв. Отношения с нормисами сейчас... натянутые.

Уэнсдей на мгновение остановилась. Уголок её губ дрогнул в тени улыбки, которую обычные люди сочли бы за оскал хищника. — Уимс наконец-то проявила крупицу здравого смысла. Праздновать геноцид изгоев в компании нормисов, поедая попкорн, всегда было высшей степенью мазохизма.

— Ой, да ладно тебе, — Энид разочарованно вздохнула, прижимая листовку к груди. — Я понимаю, что Джозеф Крекстоун был чудовищем и всё такое, но всё-таки там было весело. Сахарная вата, эти нелепые шляпы, ярмарка... В этом была какая-то движуха! А теперь всё будет по-другому. Скучно и официально.

— Движуха, закончившаяся попыткой ритуального убийства, — напомнила Уэнсдей, её голос был сухим, как старый пергамент. — Что она придумала на замену? Публичную порку тех, кто скучает по ярмаркам?

— Почти! Костер Основателей, — Энид снова просияла.

— Это чисто внутреннее событие Невермора. Никаких нормисов из города, только мы. Директор сказала, что мы будем жечь огромное чучело Старых Страхов. Знаешь, такая метафора: сжечь всё плохое, что случилось в прошлом году, и идти дальше. Очищение огнем.

Уэнсдей посмотрела на листовку. Идея сжечь что-то монументальное ей импонировала, но само название праздника отдавало излишним пафосом, который она презирала.

— Сжигать страхи — занятие для тех, у кого нет смелости смотреть им в глаза, — сухо произнесла она. — Но огонь хотя бы дает свет. В нем легче разглядеть тех, кто прячется в тени. Например, Анну Вайт и её странного покровителя Блэка.

— Кстати, про Анну! — Энид поправила берет, её глаза заблестели. — Я хотела предложить ей помочь с оформлением кострища. Она так круто рисует, Ксавье говорил, что её наброски просто нереальные. Ты её не видела?

— Она на стрельбище, — бросила Уэнсдей, возобновляя свой путь. Её шаг стал еще более решительным. — Пытается попасть в цель под присмотром Торпа. А я иду искать брата. Если Александр Блэк действительно «помогает» ему, боюсь, Костер Основателей может начаться раньше запланированного. И гореть на нем будет не только чучело.

Она оставила Энид посреди двора. В голове Уэнсдей уже складывался план: Костер Основателей — идеальный момент. В хаосе огня и теней Анна и Александр обязательно

выдадут себя. Нужно только убедиться, что Пагсли не станет первой жертвой этого «очищающего» пламени.

Глава 32: Анатомия страха

Уэнсдей знала, где искать Юджина. Его «Гудящий улей» был единственным местом, где её брат мог чувствовать себя в безопасности и при этом заниматься чем-то по-настоящему деструктивным. Но по мере приближения к сараям она почувствовала, что привычный запах воска и сухих трав сменился резким, пороховым шлейфом.

Дверь лаборатории была приоткрыта. Изнутри не доносилось споров о породах пчел. Там царил тишина, прерываемая лишь мерным, пугающе синхронным гулом.

Уэнсдей бесшумно вошла внутри. Юджин стоял в центре комнаты с закрытыми глазами. Его пальцы едва заметно подрагивали, словно он перебирал невидимые струны. Над его ладонями в идеальном боевом строю застыл рой пчел. Они не просто летали — они двигались как единый, дисциплинированный механизм, выстраиваясь в сложные геометрические фигуры.

На столе перед Пагсли лежали развернутые чертежи. Это были детальные схемы миниатюрных капсул с детонаторами давления. Пагсли с азартом, который обычно приберегал для попыток кукол, прилаживал к восковому макету пчелы крошечное крепление.

— Если использовать облегченный сплав, — бормотал Пагсли, не замечая сестры, — пчела сохранит маневрен-

ность. А заряд термосиликата внутри превратит обычный укус в направленный взрыв. Блэк был прав: это идеальный способ доставки.

— И часто вы занимаетесь созданием высокотехнологичного оружия, пока ваш наставник отсутствует? — холодный голос Уэнсдей разрезал тишину.

Мальчики подпрыгнули. Рой над руками Юджина мгновенно рассыпался хаотичным облаком. Пагсли быстро накрыл чертежи ладонями, а Юджин густо покраснел, поправляя очки.

— Уэнсдей! — выдохнул он. — Ты всё не так поняла. Александр просто... он открыл мне глаза. Он сказал, что мой талант — это не дружба с насекомыми, а абсолютная власть над их жизнями. Что я и есть рой.

— А мне он оставил эти схемы, — добавил Пагсли, с гордостью вытягивая чертеж. — Посмотри, как можно оптимизировать улей. Это уже не биология, это артиллерия!

Уэнсдей подошла к столу, рассматривая чертежи взрывных капсул. Её взгляд был ледяным. — Блэк учит вас не защите, а искусству уничтожения. Это путь, который редко приводит к долголетию.

Юджин сделал шаг вперед. В его глазах читалось странное восхищение, смешанное с неразрешенным сомнением. — Уэнсдей, я спрашивал его... Спрашивал, почему он стоял в лесу и просто смотрел, как на меня нападает Хайд. Почему он сразу меня не защитил, если он такой сильный?

Уэнсдей замерла, ожидая услышать историю о трусости, но взгляд Юджина заставил её насторожиться.

— И что же он ответил? — тихо спросила она.

— Он усмехнулся, — Юджин опустил взгляд на свои руки, которые всё еще пахли дымом и воском. — Он спросил: «А почему ты сам этого не сделал?». Он сказал, что если бы он выскочил из кустов и спас меня, я бы так и остался слабым мальчиком, который прячется за чужими спинами. А теперь мне никогда больше не понадобится защита.

— Он назвал страх лучшим учителем, — подхватил Пагсли с фанатичным блеском в глазах. — Сказал, что в Невер-море хищникам не нужны няньки.

Уэнсдей почувствовала, как внутри всё закипает. Блэк не просто оставил им чертежи — он оставил им идеологию. Он превратил свое предательство в лесу в высший урок доблести, окончательно закрепив за собой статус их кумира.

— Александр Блэк не благотворитель, — отрезала она, направляясь к выходу. — Он дает вам силу, которую вы еще не способны осознать, превращая вас в свои инструменты. А я предпочитаю, чтобы мои инструменты оставались в моих руках.

Она вышла из «Улья», понимая, что битва за умы братьев проиграна. Блэк подготовил себе почву даже в свое отсутствие, превратив пострадавшего мальчика в преданного солдата.

Оставив позади тяжелый запах пороха и наэлектризован-

ный воздух лаборатории, Уэнсдей направилась к главному корпусу. Мысль о том, что Александр Блэк за считанные дни превратил её брата из любителя насекомых в начинающего террориста, отдавалась в висках монотонным ритмом похоронного марша. Он действовал филигранно: не ломал волю, а подменял её, выстраивая новую иерархию, где страх был единственной валютой.

Столовая Невермора в вечерний час напоминала растревоженный муравейник, чей хаос был лишь прелюдией к чему-то более масштабному. Огромные стрельчатые окна потемнели, превратившись в черные зеркала, в которых дрожало отражение люстр. Воздух, пропитанный запахом жареного мяса и нарастающим гулом сотен голосов, казался слишком плотным. Главной темой, разумеется, был предстоящий Костер Основателей — ритуал, который в этом году обещал стать более пламенным, чем обычно.

За столом Белладонцев царило редкое оживление.

— Я слышала, в этом году чучело Старых Страхов будет высотой с трехэтажный дом! — воодушевленно делилась Энид, едва не опрокидывая стакан с соком. — Директор Уимс хочет, чтобы пламя было видно даже в Джерико. Пусть нормисы знают, что наши огни светят ярче их фонарей!

— Главное, чтобы никто не решил поджечь его раньше времени, — хмыкнул Аякс, лениво ковыряя вилкой в тарелке.

— А я считаю, это отличная идея, — вставила Дивина,

переглядываясь с Кентом. — Старые традиции были слишком мрачными. Костер — это хотя бы красиво.

Анна Вайт, сидевшая рядом с Ксавьером, выглядела необычно тихой, но её глаза лихорадочно блестели. Она дождалась паузы в разговоре и мягко произнесла: — Бьянка, если нужно, я могла бы помочь с оформлением кострища или эскизами для чучела. В моей старой школе мы делали нечто подобное... Я неплохо рисую, Ксавьер подтвердит.

Ксавьер, чей взгляд был прикован к вошедшей в зал Уэнсдей, лишь рассеянно кивнул. Бьянка, как лидер клуба, окинула Анну оценивающим взглядом: — Лишние руки нам не мешают, Анна. Особенно те, что умеют держать карандаш. Завтра обсудим детали.

Уэнсдей опустилась на самый край стола, сохраняя дистанцию, достойную свежего трупа. Её тарелка оставалась нетронутой. Она не участвовала в общем веселье; её мысли всё ещё возвращались к препарированным насекомым и той легкости, с которой Юджин принял философию жестокости.

В этот момент тяжелые дубовые двери столовой распахнулись с характерным стоном. В зале стало на несколько децибел тише — так затихает лес при приближении крупного хищника. Александр Блэк вошел с той небрежной уверенностью, которая заставляла окружающих невольно выпрямлять спины и проверять, застегнуты ли пуговицы.

Уэнсдей не пошевелилась, лишь её взгляд, холодный и острый, как лезвие скальпеля, зафиксировал его перемеще-

ние. Блэк не спешил к Белладонцам. Его путь пролегал мимо дальнего конца зала, где за маленьким столом притаились Юджин и Пагсли. Мальчики синхронно замерли, провожая его глазами с выражением, в котором читалось нечто среднее между благоговением и религиозным фанатизмом.

Александр на мгновение замедлил шаг. Он не остановился, не заговорил с ними, но слегка повернул голову. На его лице промелькнула та самая загадочная, почти заговорщицкая полуулыбка, и он коротко, едва заметно подмигнул Пагсли. Брат Уэнсдей тут же просиял, словно получил благословение самого Люцифера.

Блэк прошел дальше и сел на свободное место, чуть поодаль от основной группы. Он хранил молчание, как и Уэнсдей, но его присутствие ощущалось кожей, как тяжелый озон перед ударом молнии.

Уэнсдей заметила то, чего не видели увлеченные праздником изгой: Анна, продолжая обсуждать с Энид цвет лент, то и дело бросала мимолетные, вороватые взгляды на Александра. В этих взглядах не было простого любопытства — в них читалось ожидание команды. Блэк же оставался безучастным, словно его вообще не касались земные разговоры.

— Костер должен быть очищающим, — внезапно подала голос Йоко, поправляя свои неизменные темные очки. — Но иногда огонь высвечивает то, что лучше бы оставалось в темноте.

Уэнсдей посмотрела на вампиршу, затем перевела взгляд

на Блэка, который как раз поймал её взор. Они не обменялись ни словом, но в этой тишине прозвучало больше угроз, чем во всех детективных романах в библиотеке Невермора. Уэнсдей знала: Блэк играет с её семьей, Анна играет с Белладонцами, и все эти нити сплетаются в фитиль, ведущий к одному пламени — Костру Основателей. И, судя по чертежам в кармане Пагсли, этот костер обещал быть по-настоящему взрывным.

Ритм печатной ленты

В Офелия-холл вечер наступил гораздо раньше, чем в остальной академии. Разноцветный витраж «паутины» пропускал лишь скудный лунный свет, который на половине Энид дробился на кислотно-розовые блики, а на половине Уэнсдей превращался в глубокие, бархатистые тени, поглощающие всякую надежду на уют.

Энид лежала на своей кровати, уткнувшись в телефон. Экран подсвечивал её лицо, а пальцы с бешеной скоростью летали по клавиатуре, рассылая уведомления по чатам.

— Ты просто не представляешь, какой охват у поста про Костер! — восторженно пробормотала она, не поднимая глаз. — Весь Невермор только об этом и пишет. Дивина уже подбирает музыку, а Аякс обещал помочь с установкой каркаса... Уэнсдей, ты меня слышишь?

Ответом ей был лишь сухой, методичный стук печатной машинки. Так-так-так-дзинь. Уэнсдей сидела за своим столом, выпрямив спину так, будто в её позвоночник был вшит

стальной штырь. Каждый удар по клавишам был для неё способом упорядочить хаос, который Александр Блэк так старательно вносил в её жизнь.

*«День тридцать второй. Академия Невермор превращается в декорацию для дешевого фарса под названием "Костер Основателей". Пока остальные предвкушают запах гари и дешевого зефира, я чувствую запах настоящей катастрофы.

Александр Блэк перешел от вежливых визитов в наше поместье к прямой вербовке. Его тактика работы с Юджином и Пагсли безупречна в своей жестокости: он не просто показал им чертежи миниатюрных бомб, он отравил их разум философией хищника. Сделав свое предательство в лесу "высшим уроком самообороны", он превратил Юджина из жертвы в фанатика.

И Анна... Девушка с лицом фарфоровой куклы и дисциплиной профессионального киллера. Её взгляды на Блэка в столовой были лишены подростковой влюбленности — это была субординация. Она втирается в доверие к Белладонцам через эскизы и фальшивые улыбки, пока Александр готовит почву для чего-то более монументального, чем просто сожжение чучела».*

Уэнсдей на мгновение замерла, глядя на свежотпечатанную строку. В её сознании всплыло лицо Блэка, когда тот подмигнул Пагсли. Это движение, лишённое его обычной стерильной холодности, было сигналом. Паролем, который понимали только они трое.

— Уэнсдей, — Энид наконец отложила телефон и перевернулась на живот, глядя на подругу. — Ты весь вечер какая-то... еще более колючая, чем обычно. Это из-за того, что Анна будет помогать Бьянке с Костром? Или из-за того, как Блэк «дрессирует» твоего брата в Улье?

Уэнсдей вытащила лист из машинки и аккуратно положила его в папку, где уже хранились записи о перстне с литерой «V» и странных нейротоксинах.

— Меня не беспокоят праздничные декорации, Энид. Меня беспокоит то, что происходит в тени этих декораций. Александр Блэк преподавал моему брату урок: «Не жди спасителя — стань угрозой». И теперь в кармане у Пагсли лежат чертежи взрывчатки, способной превратить этот праздник в братскую могилу. Когда все смотрят на пламя, никто не замечает того, кто подбрасывает в него порох.

— Ой, ну вечно ты всё драматизируешь! — Энид вздохнула и натянула одеяло до подбородка. — Может, Блэк просто хочет, чтобы они умели постоять за себя? А Анна просто хочет завести друзей. Она сегодня была такой милой, когда предлагала помощь с оформлением...

— Милота — это самый эффективный камуфляж для хищников, — отрезала Уэнсдей, гася лампу.

Тьма мгновенно заполнила её половину комнаты. Уэнсдей легла в постель, сложив руки на груди в своей привычной позе покойника. Но сон не шел. В голове крутился ритм печатной машинки, смешиваясь с гулом пчел Юджина и вежли-

вой, пустой улыбкой Александра. Она знала одно: если Блэк и Анна думают, что Костер Основателей станет их триумфом, они забывают, что Аддамсы лучше всех умеют обращаться с огнем. И этот огонь не всегда бывает очищающим.

Глава 35: Терминал №9

Утро в Офелия-холл было пропитано запахом надвигающегося шторма. В такие часы воздух в Неверморе становился плотным, липким и почти осязаемым, словно само время застревало в узких готических коридорах, превращаясь в густой кисель. Уэнсдей открыла глаза ровно за пять минут до того, как должен был взорваться жизнерадостным трезвоном будильник Энид. Она не просыпалась в обычном понимании этого слова — она просто возвращалась из добровольного изгнания в сон, который этой ночью был похож на лихорадочный бред: шепот на латыни, звук рвущейся плоти и бесконечное шуршание бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.